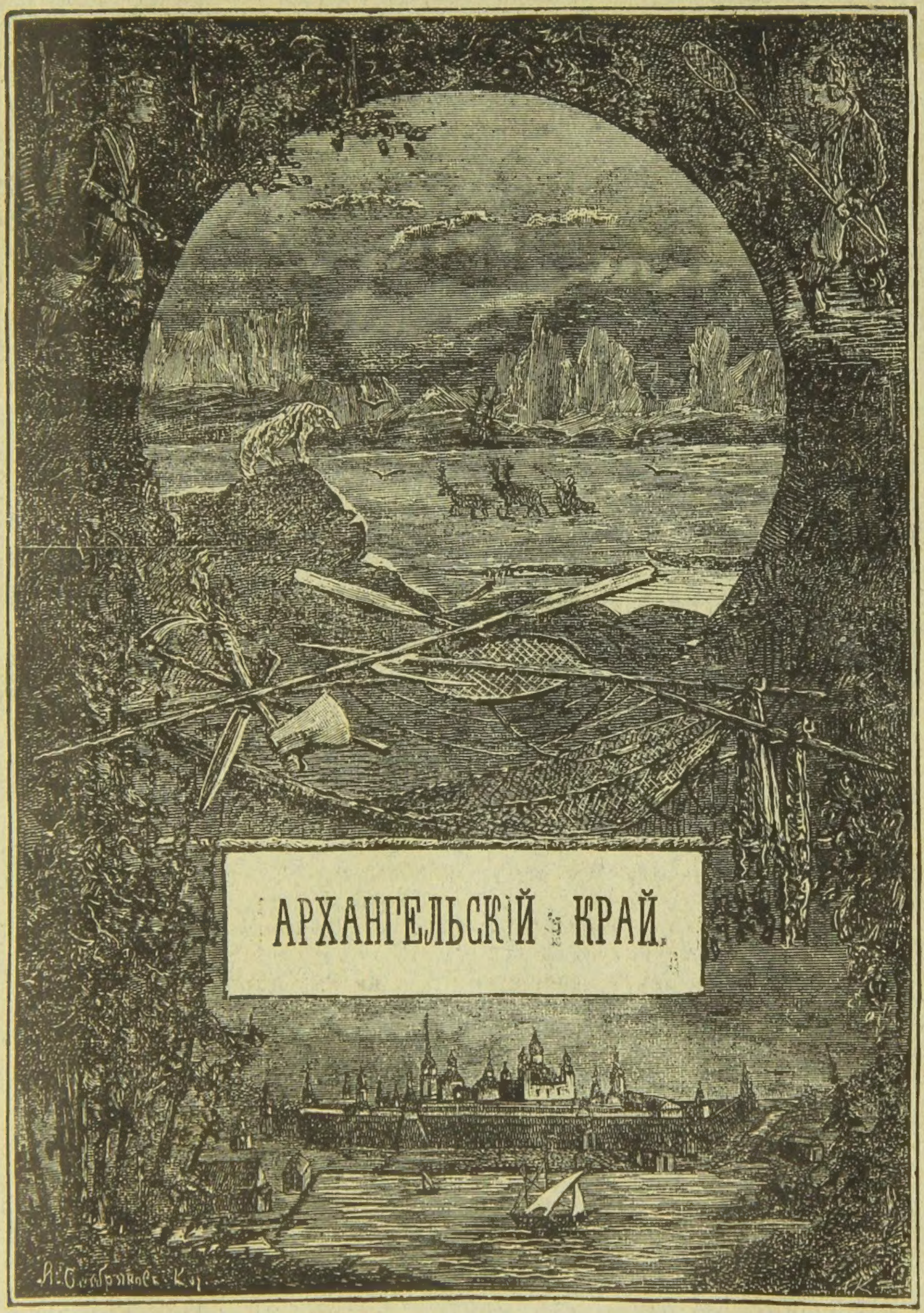
586/119

886/119



Цѣна 20 коп.

НАРОДНЫЯ ЧТЕНІЯ.

Изданія учрежденной по Высочайшему повелѣнію г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія Постоянной Коммисіи по устройству народныхъ чтеній и состоящаго при ней Издательскаго Общества.

1) **Уничиженіе на землѣ Господа нашего Іисуса Христа.** Съ раскр. изобр. Ц. 8 к.
2) **Жизнь Божіей Матери.** Свящ. М. Соколова. Съ изобр. Богородицы. Изд. пятое. Ц. 10 к.
3) **О Богослуженіи Православной церкви.** Свящ. М. Соколова. Изд. 3-е. Ц. 10 к.
4) **Великій постъ.** Чтеніе священника М. Соколова. Изд. второе. Цѣна 10 коп.
5) **Церковь Христова со временъ апостоловъ.** Свящ. Опатовича и А. Кочетова. Съ двумя изображеніями. Ц. 20 коп.
6) **Жизнь Святаго Николая Чудотворца.** Свящ. М. Соколова. Съ изобр. Святителя. Изд. 3-е. Ц. 8 к.
7) **Св. Стефанъ Пермскій.** Т. Толычевой. Съ изображ. Святителя. Цѣна 10 к.
8) **Житіе преподобнаго отца нашего Ксенофонта, супруги его Маріи и двухъ сыновей его Іоанна и Аркадія.** Съ изображеніемъ преподобныхъ. Евг. Туръ. Ц. 10 к.
9) **Богомольцы у святынь Кіева. Лавра.** И. и В. Хрущовыхъ. Съ 2 хромолит. изобр. Изд. 2-е. Ц. 20 к.
10) **Богомольцы у святынь Кіева. Старый Кіевъ.** И. Хрущова. Съ хромолит. изображен. Изд. 2-е. Ц. 10 к.
11) **Соловецкій монастырь.** С. Максимова. 3-е изд. Съ карт. Ц. 12 к.
12) **Свято-Троицкая Сергіева Лавра.** И. И. Петрова. Съ тремя картинками. Ц. 15 к.
13) **Начало христіанства на Руси.** Съ 3-мя карт. Ц. 15 к.
14) **Сыновья Св. Владиміра. Св. Борисъ и Глѣбъ, Ярославъ.** Съ хромол. рисункомъ. Ц. 10 к.
15) **Владиміръ Мономахъ и его завѣщаніе.** И. Хрущова. Съ 3 раскр. карт. 2-е изд. Ц. 15 к.
16) **Нашествіе Татаръ и князь Михаилъ Тверской.** Съ рисункомъ. Ц. 10 к.

См. стр. 3 обертки.

АРХАНГЕЛЬСКІЙ КРАЙ.

Съ картою.

На средства Издательскаго Общества при учрежденной, по Высочайшему повелѣнію, Министромъ Народнаго Просвѣщенія Постоянной Коммисіи по устройству народныхъ чтеній.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1885.

Гос. Истор. г. Научн. б-ка
СФСР
Инвент. № 291705
„ ..... 193 г.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ 24 Января 1885 г.

Типографія д-ра М. А. Хана, Ковенскій пер. д. № 14.

Изъ исторіи края.

Велика наша родина! Широко раскинулась она отъ Чернаго моря до Ледовитаго океана, отъ Балтійскаго моря до океана Великаго. Разнообразна природа на этомъ обширномъ пространствѣ; живутъ на немъ разные народы, одинъ на другой не похожіе ни по виду, ни по языку, ни по обычаямъ; занимаются жители разнородными промыслами, глядя по мѣстности. Есть въ Русскомъ государствѣ земли, гдѣ зима продолжается лишь мѣсяцъ или два, а есть и такія, гдѣ почти что зимы и не бываетъ, и снѣгъ да морозы иной годъ вовсе не приходятъ, а если и заглянутъ, такъ совсѣмъ легкіе и то лишь на самое малое время. При такой благодати ростутъ тамъ на вольномъ воздухѣ виноградъ, слива, персики, не пропадаетъ и чайное дерево, и шелковица, листвою которой кормится червякъ-шелкодѣлъ, вызрѣваетъ и

хлопокъ, который идетъ на изготовленіе ситца и миткаля. Но за то есть у насъ и такія мѣста, гдѣ жители изъ-за холода почти круглый годъ не оставляютъ мѣховой одежды, гдѣ зимою по нѣскольку недѣль солнце не выходитъ и бываетъ тогда постоянная ночь; а лѣто такое короткое, что земля не успѣваетъ растаять, и не могутъ поэтому рости тамъ даже наши обыкновенныя деревья и кустарники. О такомъ негостепріимномъ уголкѣ нашей родины разсказано будетъ въ этомъ чтеніи. Прилегаетъ уголокъ этотъ къ Бѣлому морю и Ледовитому океану и лежитъ въ томъ краѣ, который, по имени главнаго города, называется «Архангельскимъ» краемъ.

Не гостепріименъ, правда, этотъ край по своей природѣ, но много въ немъ богатства въ пушномъ звѣрѣ и рыбѣ. Не мудрено поэтому, что, несмотря на суровый климатъ, онъ манилъ къ себѣ съ давнихъ временъ нашихъ предковъ.

Первыми проникли сюда предпріимчивые Новгородцы, еще во времена своей самостоятельности и вѣчеваго управленія. Скудная и суровая природа ихъ родины, посылая слишкомъ часто голодные годы, заставила ихъ

искать побочныхъ занятій: ремеслъ, промысловъ. Выгодная торговля пушнымъ звѣремъ завлекла ихъ въ сѣверные дремучіе лѣса. Они селились также по берегамъ рѣкъ, богатыхъ рыбой, строили слободы и постепенно подвигались дальше на сѣверъ. Ничто ихъ не останавливало: ни зыбучія болота, ни непроходимые лѣса. Мѣстное же населеніе было настолько малочисленно и беззащитно, что не могло оказывать имъ сопротивленія.

Рѣки были ихъ дорогами, а исконное ремесло плотничье пригодилось для постройки судовъ. Увлеченные привольемъ моря и богатствомъ промысловъ, они-же первые проникли на крайній сѣверъ Лапландіи и основали тамъ въ 1264 г. на берегу Ледовитаго океана самое сѣверное селеніе Архангельской губерніи—*Колу*. Изъ Колы съ перваго-же времени стали вывозить въ Великій Новгородъ цѣнныхъ звѣрей: куницъ, лисицъ, выдръ и пр.

Съ каждымъ годомъ подвигаясь впередъ, Новгородцы наконецъ завладѣли всѣмъ сѣверомъ и обложили данью кочевавшія тамъ племена. Дань эта состояла изъ дорогихъ шкуръ и доставляла Новгороду большія богатства. Но не спокойно жилось поселенцамъ въ этомъ «Поморьѣ»: Шведы и Норвежцы,

желавшіе владѣть Бѣлымъ моремъ, то и дѣло совершали на нихъ набѣги. Объ одномъ изъ такихъ набѣговъ сохранилась у насъ лѣтопись. Въ 1419 году—написано тамъ—Норвежцы пришли «большимъ приходомъ» въ Бѣлое море. Начавъ опустошеніе съ деревни Варзуги на Терскомъ берегу, они раззорили Онежскій погостъ, потомъ Ненокскій, затѣмъ поплыли въ верхъ по Двинѣ и по пути опустошили всѣ попадавшіяся деревни. Достигнувъ Архангельскаго монастыря, они раззорили и его. Тогда Двинскіе жители вступили съ ними въ битву. Потерявъ два судна, непріятели скрылись.

Около 450-ти лѣтъ тому назадъ на пустынный островъ Бѣлаго моря «Соловки» прибыли святые подвижники, преподобные Зосима, Савватій и Германъ. Ихъ богоугодные подвиги привлекли на островъ многихъ набожныхъ людей, и устроился тамъ монастырь *Соловецкій*, обратившій скоро на себя вниманіе благочестивыхъ царей и бояръ. На поминъ души дѣлали они богатые вклады въ этотъ монастырь, дарили ему цѣлыя селенія съ землями и крестьянами. Крѣпостныхъ людей тогда еще не было и каждый крестьянинъ воленъ былъ наниматься

къ любому помѣщику и отходить отъ него, если пожелаетъ, на *Юрьевъ день* каждаго года. Много и такихъ вольныхъ земледѣльцевъ и иныхъ рабочихъ людей записывалось за Соловецкій монастырь, потому что съ иноками имъ легче было сойдтись, чѣмъ съ боярами, да и духовное утѣшеніе влекло ихъ туда. Шли на монастырскую работу и «по обѣту», т. е. давъ обѣщаніе при какой нибудь опасности послужить святымъ Зосимѣ и Савватію, если Богъ оставитъ въ живыхъ; а на Бѣломъ морѣ да Ледовитомъ океанѣ смерть грозитъ на каждомъ шагу, поэтому и въ даровыхъ работникахъ изъ мѣстныхъ жителей въ монастырѣ недостатка не было. И съ каждымъ годомъ росли средства монастыря, и сталъ онъ на дальнемъ сѣверѣ богатымъ владѣльцемъ. На свои деньги строилъ онъ тамъ деревянныя крѣпости (остроги) и содержалъ въ нихъ ратныхъ людей, посылалъ имъ ружья и пушки, свинецъ и порохъ. Всю защиту сѣвернаго края отъ недруговъ принялъ монастырь на себя и съ честью выполнялъ эту не легкую обязанность.

Въ царствованіе царя Ивана Грознаго, въ 1553 г. Англійское судно, плывшее по Ледовитому океану подъ начальствомъ капитана Чен-

слера, было занесено бурею въ Двинскую губу Бѣлаго моря. Ченслеръ долженъ былъ здѣсь остановиться и отправился въ Москву, къ царю на поклонъ. Царь, давно желавшій завести торговыя сношенія съ иностранцами, очень обрадовался пріѣзду Англійскаго капитана, обласкалъ его и даровалъ всѣмъ иностранцамъ право свободной безпошлинной торговли съ Россіей. Съ этой поры Двинская земля стала быстро богатѣть. Главнымъ торговымъ городомъ сдѣлались *Холмогоры*. Процвѣтанію его много способствовала близость моря и судоходной рѣки Двины, а также богатство его окрестностей торговымъ матеріаломъ (мѣха, ленъ, пенька и др.). Англичане выстроили тамъ нѣсколько домовъ и завели прядильную фабрику.

Городъ Архангельскъ въ это время еще не существовалъ, а былъ только Архангельскій монастырь и близь него выстроенный Англичанами гостиный дворъ.

Въ 1584 г., 300 лѣтъ тому назадъ, вокругъ монастыря и находившихся возлѣ него строеній построена была стѣна, и новый городъ былъ названъ *Архангельскимъ городомъ*. Вскорѣ въ этотъ городъ перешла вся холмогорская торговля. Понаѣхали затѣмъ сюда купцы изъ

Москвы, Ярославля и другихъ городовъ; сюда же стали съѣзжаться промышленники съ Мурмана, Терскаго берега и изъ другихъ мѣстъ.

Въ половинѣ XVII-го вѣка въ Архангельскъ приходило ежегодно лѣтомъ отъ 30 до 40 иностранныхъ купеческихъ кораблей. Сѣверъ сталъ приносить много выгодъ; только большая часть этихъ выгодъ, къ сожалѣнію, доставалась иностранцамъ: Англичане скупали у Русскихъ товары и потомъ съ большими барышами отправляли ихъ заграницу, или продавали опять-же Русскимъ.

Но особенное значеніе пріобрѣлъ Архангельскъ въ началѣ царствованія Петра Великаго. Этотъ царь понималъ, какъ много пользы можетъ принести Россіи морская торговля съ иностранными государствами, а такъ какъ въ то время Россія владѣла только однимъ Бѣлымъ моремъ, и Архангельскъ былъ самымъ важнымъ для торговыхъ сношеній мѣстомъ, то Петръ и обратилъ на него свое вниманіе: уменьшилъ пошлины, даровалъ льготы, началъ заводить на Бѣломъ морѣ торговый флотъ, научилъ народъ постройкѣ кораблей. Появились заводы: лѣсопильные, канатные, желѣз-

ные и другіе. Явились опытные моряки, для обученія которыхъ открыты были школы ремесленныя и морскія.

Желая возвысить купечество, Петръ завелъ 20 собственныхъ торговыхъ кораблей и началъ, какъ купецъ, производить иностранную торговлю. Онъ учредилъ монетный дворъ, биржу и, когда бывалъ въ Архангельскѣ, всегда являлся туда самъ для производства торговыхъ дѣлъ. Онъ уважалъ и щедро награждалъ всѣхъ дѣловыхъ людей, особенно строителей кораблей. Ходилъ къ нимъ въ гости иногда верстъ за 7 пѣшкомъ, напр. изъ города Холмогоръ въ село Вавчугу къ купцу Баженину.

Въ его время торговля на Бѣломъ морѣ начала процвѣтать. Ежегодно стало приходить 100—150 кораблей. Цѣнность привознаго и отпускнаго товара составляла около полутора милліона рублей. Три раза посѣщалъ Петръ Сѣверный океанъ. Всѣ заботы его были направлены къ тому, чтобы какъ можно скорѣе образовать свой флотъ, поэтому онъ такъ и поощрялъ кораблестроителей. Во время своего пребыванія въ Архангельскѣ онъ всякій разъ осматривалъ всѣ купеческія суда. Разсказываютъ, что разъ

по лодкамъ и баркамъ онъ взобрался на Холмогорскій карбасъ, на которомъ крестьянинъ привезъ для продажи горшки. Какъ-то подломилась доска. Петръ упалъ и разбилъ много горшковъ. Хозяинъ всплеснулъ руками, почесалъ затылокъ и говоритъ:

«Вотъ-тебѣ и выручка»!

Царь усмѣхнулся.

— А много-ли было выручки?

«Да теперь немного, а было-бы алтынъ на 40».

Царь далъ ему червонецъ и сказалъ: «Торгуй и разживайся, а меня лихомъ не поминай».

Первый корабль, поднявшій Русскій флагъ на Бѣломъ морѣ, былъ оснащенъ самимъ Петромъ и спущенъ въ его присутствіи, а въ 1701 году мы уже одержали *морскую* побѣду надъ Шведами, когда флотъ ихъ зашелъ въ устье Двины...

Но вотъ отнялъ Петръ у Шведовъ берега Финскаго залива, и на берегахъ Невы возникъ новый городъ—Петербургъ.

Желая усилить теперь торговлю на Балтійскомъ морѣ, Петръ велѣлъ всѣмъ торговцамъ возить двѣ трети товаровъ въ Петербургъ и только треть въ Архангельскъ. Съ этихъ

поръ торговля Архангельска стала падать и жители того края сильно обѣднѣли.

Послѣ смерти Петра до Екатерины II объ Архангельскѣ совсѣмъ было позабыли. Екатерина снова оживила Архангельскій край, даровавъ многія льготы и выгоды для таможняго купечества. Торговля стала опять расширяться, особенно со времени прорытія соединительныхъ каналовъ по пути отъ Сѣверной Двины къ Волгѣ, когда Приволжскія губерніи вошли въ сообщеніе съ краемъ; но прежняго своего значенія она уже никогда не достигала.

Лѣсная полоса.

Если ѣхать въ Архангельскій край съ юга, то прежде всего въѣзжаешь въ обширную лѣсную полосу. Деревья здѣсь только хвойныя: сосна, ель, пихта, лиственница. Лѣса эти, занимающіе необозримыя пространства, поражаютъ своимъ необыкновеннымъ однообразіемъ. Цѣлыя сотни верстъ напр. тянется одинъ какой-нибудь видъ сосны или ели, не мѣшаясь ни съ какимъ другимъ лѣсомъ.

Густая чаща лѣса изрѣдка лишь прерывается чистымъ пространствомъ, которое когда-то было озеро, а теперь затянуто мхомъ. По нѣкоторымъ изъ такихъ озеръ и до сихъ поръ невозможно ходить, такъ какъ слой мха на нихъ довольно тонокъ. Однообразіе лѣса такъ велико, что даже и привыкшіе къ нему крестьяне нерѣдко сбиваются съ пути и проваливаются въ топкія болота. Въ Архангельскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ очень часто встрѣчаются извѣщенія, что «крестьянинъ пошелъ и не возвращался»... Вообще, сѣверные лѣса не то, что остальные лѣса Россіи, гдѣ по большей части не успѣешь еще и приглядѣться къ деревьямъ, какъ уже вдали свѣтится открытая поляна.

Величавые, вѣчно зеленые хвойные лѣса отличаются отъ лиственныхъ тишиною и угрюмостью. Здѣсь не слышно шелеста листьевъ, зыблющихся отъ легкаго вѣтерка. Неподвижный, суровый и однообразный видъ ихъ располагаетъ къ тишинѣ, уединенію. Лѣса эти составляютъ главное богатство Архангельскаго края; но, къ сожалѣнію, много добра гибнетъ даромъ и отъ постоя, и отъ лѣсныхъ пожаровъ. Не проходитъ рѣшительно ни одного года, что-

бы не было большаго лѣснаго пожара, а тушить его тамъ нѣтъ никакой возможности, какъ по обширности лѣса, такъ и по отдаленности селеній. Пожары происходятъ отъ молніи, отъ огня, разложеннаго звѣроловами, отъ выжиганія новины.

Страшно смотрѣть на хвойный лѣсъ, когда онъ горитъ. Пламя волнами хлещетъ отъ одного дерева къ другому, быстро перебѣгаетъ по хвоѣ, обвиваетъ разомъ смолистую кору и стремится все дальше. Дымъ на нѣсколько десятковъ верстъ, какъ черная туча, застилаетъ небо. Несмотря однако на такія опустошенія, лѣсовъ все-таки въ томъ краѣ еще очень много.

Главное занятіе жителей лѣсной полосы—охота. Охота въ этомъ краѣ не забава, не развлеченіе, а тяжелый промыселъ. Гдѣ и чѣмъ заработаетъ себѣ иначе крестьянинъ на хлѣбъ, который здѣсь очень плохо родится? Главнымъ предметомъ промысла служатъ бѣлки, зайцы, рябчики, медвѣди и олени.

Несмотря на обширность лѣсовъ, не всегда однако можно встрѣтить тамъ достаточно добычи. Иной годъ соберется ея много, а то вдругъ совсѣмъ исчезнетъ. Въ 1855-мъ году

напримѣръ скопилось такое множество зайцевъ и бѣлокъ, что всѣ стога сѣна, оставленные на лугахъ, были объѣдены, а бѣлки прыгали вездѣ, даже по крышамъ, и самый плохой охотникъ могъ убить ихъ въ день не менѣе 20-ти штукъ. Но такая благодать не всегда выпадаетъ на долю крестьянина; въ три года, слѣдовавшіе за 1855-мъ, не было ни одной бѣлки, а заячій слѣдъ встрѣчался какъ рѣдкость.

Въ одномъ только нѣтъ недостатка у жителей лѣсной полосы—это въ *медвѣдяхъ*. Въ лѣтніе мѣсяцы, когда крестьяне заняты спѣшными полевыми работами и не могутъ на нихъ охотиться, медвѣди становятся необыкновенно смѣлы и губятъ много скота. Они не прочь также полакомиться рябчиками и потому частенько очищаютъ отъ нихъ силки, поставленные охотниками. Замѣтивъ это, крестьянинъ высматриваетъ тропинку, которая ведетъ къ его силкамъ изъ частаго ельника, и вѣшаетъ на пути крѣпкую веревочную петлю такъ, чтобы нижній конецъ ея не доставалъ до земли вершковъ на 6. Другой конецъ петли привязывается къ крѣпкому дереву. Какъ только просунетъ медвѣдь голову въ эту петлю, такъ уже ни

за что изъ нея не высвободится, хотя для этого ему стоило-бы только сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ.

Главный промыселъ на медвѣдя бываетъ зимой, по преимуществу въ февралѣ, въ то время, какъ снѣгъ уляжется на столько, что можно ходить на лыжахъ. На этотъ промыселъ крестьяне выходятъ всегда съ винтовкой, топоромъ и рогатиной у каждаго.

Разыскавъ берлогу и убѣдившись, что медвѣдь не ушелъ изъ нея, охотники вырубаютъ небольшую, кудрявую елку. Одинъ изъ нихъ, взявъ въ руки эту ель, стрѣляетъ въ маленькое отверстіе, чрезъ которое выходитъ изъ берлоги паръ отъ медвѣдя. Послѣ выстрѣла онъ бросаетъ винтовку, а елку верхушкой впередъ всовываетъ въ отдушину и, схвативъ рогатину, ожидаетъ боя. Пробужденный отъ спячки медвѣдь бросается къ отверстію, но, наткнувшись на елку, хватаетъ ее и старается втащить къ себѣ. Но чѣмъ болѣе онъ ее втягиваетъ, тѣмъ болѣе елка оказываетъ сопротивленія, задерживаясь крѣпкими сучьями. Взбѣшенный медвѣдь мечется ужасно, и наконецъ показывается его шуба, обсыпанная снѣгомъ. Въ тотъ-же мигъ охотники вонзаютъ въ него свои рогатины и изо

всей силы прижимаютъ его къ землѣ. Охота обыкновенно оканчивается удачно. Съ убитаго медвѣдя тотчасъ-же сдираютъ шкуру и снимаютъ сало, употребляемое какъ лекарство въ случаѣ отмораживанія; мясо-же оставляютъ на мѣстѣ.

Тяжела охота на медвѣдя, а промыслить *оленя* еще труднѣе. Идя на медвѣдя, крестьянинъ по крайней мѣрѣ знаетъ, сколько времени продлится его отсутствіе. Но идя за оленемъ, на вопросъ: «куда и на долго-ли»? онъ отвѣтитъ: «Богъ вѣсть,—куда поведутъ»! Все зависитъ отъ случая. Однако ни трудности, ни опасности не останавливаютъ охотника, и онъ десятки верстъ преслѣдуетъ оленя, зная, что въ случаѣ удачи обезпечитъ себя и семью свою кускомъ хлѣба.

Охота на оленей обыкновенно бываетъ осенью, какъ только выпадетъ снѣгъ и начнутъ замерзать болота.

Охотникъ отправляется въ лѣсъ, разыскиваетъ свѣжіе слѣды оленей и, отыскавъ ихъ, подкрадывается къ оленямъ какъ можно тише. Олень чутокъ и при малѣйшемъ шумѣ или трескѣ встрепенется и слушаетъ... Послѣ выстрѣла испуганные олени бросают-

ся бѣжать. Суматохой стада пользуется охотникъ и стрѣляетъ въ ближайшаго оленя.

Какъ ни искусны здѣшніе стрѣлки, а по оленю и они даютъ иногда промахъ. Это происходитъ отъ того, что охотнику приходится стрѣлять, пробѣжавъ много верстъ съ ношей за плечами, когда отъ усталости дрожатъ руки и ноги, въ горлѣ пересохло и передъ глазами темные круги.

Чтобы зимой преслѣдовать оленя, надо хорошо ходить на лыжахъ. Оленю вездѣ дорога: его не остановитъ ни гора, ни оврагъ; съ крутизны въ нѣсколько саженъ онъ бросается внизъ, не задумываясь. Быстро мчится на своихъ лыжахъ и охотникъ вслѣдъ за убѣгающимъ стадомъ.

Главная охота на лыжахъ начинается въ концѣ февраля и началѣ марта, когда зима дѣлается мягче и слегшійся снѣгъ можетъ поднять человѣка на лыжахъ. Въ это время охотники рѣдко выходятъ на оленей въ одиночку, но большею частью по 2, по 3 и 4; не всѣ также захватываютъ и ружья, часть идетъ съ лопатами, нужными при устройствѣ ночлега и зарываніи добычи.

Подкравшись къ стаду и выстрѣливъ, передовые охотники сбрасываютъ съ себя ко-

томки, нерѣдко и верхнее платье и безъ оглядки бѣгутъ впередъ за стадомъ. Истомленные долгимъ преслѣдованіемъ, бѣгутъ усталые олени съ высунутыми языками, все ближе и ближе подпуская къ себѣ охотниковъ. Но и преслѣдователямъ не легко: давно уже брошены армяки, а иногда и шапки съ рукавицами; въ однѣхъ сорочкахъ, съ винтовками въ рукахъ и неразлучнымъ топоромъ за поясомъ, гонятся они, пока хватитъ силъ. Часто морозъ доходитъ до 20-ти градусовъ, а рубаха вся мокрая, потъ бѣжитъ ручьями по горячему лицу неутомимаго охотника. Когда силы ослабѣваютъ, охотники сбрасываютъ лыжи и садятся на пихъ отдохнуть.

Успѣхъ охоты много зависитъ отъ погоды. Иногда снѣгъ до того рыхлъ, что по нему невозможно пробираться даже и на лыжахъ; но если случится непродолжительная оттепель и потомъ снова наступитъ морозъ, то самый верхній слой снѣга превращается въ тонкую, хрупкую кору, которая не выдерживаетъ скачущаго оленя, проламывается и своими острыми краями жестоко рѣжетъ его ноги, между тѣмъ какъ на лыжахъ по такому снѣгу идти очень легко.

Луговая полоса.

Самая богатая часть Архангельской губерніи это ея внутренняя полоса, орошаемая Двиной и ея притоками. Около 700 верстъ пробираясь по глухимъ лѣсамъ и топкимъ болотамъ, Сѣверная Двина судоходна на всемъ своемъ протяженіи и потому служитъ въ этомъ краѣ наилучшей дорогой къ Бѣлому морю.

Широко разливаясь весной, она оставляетъ много плодороднаго ила, такъ что мѣстами попадаются необыкновенно плодородныя поляны. Земледѣліе однако и въ этой лучшей полосѣ не особенно въ ходу: климатъ ея все-таки слишкомъ суровъ; даже въ самомъ южномъ уѣздѣ, Шенкурскомъ, уже въ сентябрѣ выпадаетъ снѣгъ по колѣно. Но за то здѣсь имѣются отличные заливные луга, дающіе до 180-ти пудовъ сѣна съ десятины. Въ слѣдствіе обилія такихъ луговъ жители этого края съ большимъ успѣхомъ занимаются скотоводствомъ.

Петръ Великій замѣтилъ сходство этихъ луговъ съ лугами Голландіи и выписалъ нѣсколько головъ Голландскаго скота, который

здѣсь отлично привился и теперь, подъ именемъ *Холмогорскаго*, въ большой цѣнѣ во всей Россіи. Холмогорскій скотъ особенно славится своею молочностью: корова даетъ въ сутки отъ 2-хъ до 3-хъ ведеръ молока. Особенно много луговъ въ Мезенскомъ уѣздѣ; тамъ, даже при самомъ умѣренномъ урожаѣ, каждая семья можетъ запастись сѣномъ на 6 головъ.

Кромѣ того въ этой-же полосѣ, особенно въ уѣздахъ Шенкурскомъ и Холмогорскомъ, тянутся обширные лѣса, а Двина со своими притоками даетъ возможность жителямъ сплавлять лѣсъ въ Архангельскъ.

Другая громадная рѣка Архангельской губерніи Печора, также какъ Двина, судоходна на всемъ своемъ протяженіи: но рѣка эта далеко не столько пользы приноситъ краю,—отъ того, что она не соединена съ внутренними рѣками Россіи и протекаетъ по совершенно пустынной мѣстности. Не видно по ея берегамъ ни пашенъ, ни луговъ, даже лѣсъ растетъ только въ болѣе южныхъ частяхъ, и лишь изрѣдка попадаются довольно людныя деревеньки. Жители этихъ деревень все необходимое для домашняго хозяйства, какъ напр. хлѣбъ, соль, крупу, посуду

и прочее получаютъ отъ Усыльцевъ *), привозящихъ имъ эти товары на своихъ каюкахъ. Такихъ каюковъ по Печорѣ въ лѣто проходитъ до 30-ти. Торговлю Печорцы ведутъ не на деньги, а мѣновую, и расплачиваются исподволь—имъ отпускаютъ товары на вѣру. Но какъ только подойдутъ промысловыя лодки съ рыбой и морскимъ звѣремъ—начинается платежъ. Каюки нагружаются и уходятъ обратно въ верхъ по Печорѣ.

Тундра.

Весь сѣверъ Архангельской губерніи, прилегающій къ Ледовитому океану, представляетъ холодный и негостепріимный край. Частые дожди, глубокіе снѣга, неуспѣвающіе вполнѣ растаять даже и лѣтомъ, превратили почву въ сырую, безплодную. Куда ни взглянешь—всюду тряспны да зыбуны; кое-гдѣ лишь, какъ рѣдкость, виднѣются кочки, всплошную усѣянныя кустами сочной морош-

---

*) Такъ называютъ жителей деревни *Усть-Уса*, расположенной при впаденіи Усы въ Печору.

ки и водянистой вараницы. Кочки эти почти единственныя сухія мѣста во всей тундрѣ, способныя держать ногу человѣка. Ни одно дерево, ни одинъ кустарникъ не можетъ окрѣпнуть здѣсь подъ холоднымъ дыханіемъ морскихъ вѣтровъ. Одни только желтые мхи да сѣрые лишаи служатъ нарядомъ для здѣшней печальной природы. Пустынная и безплодная тундра тянется по всему Кольскому полуострову, по берегамъ Кандалашской губы и потомъ, снова, начинаясь по ту сторону Бѣлаго моря, стелется дальше къ востоку, прорѣзываясь на пути своемъ двумя огромными рѣками—Мезенью и Печорой. Слишкомъ на 1000 верстъ въ длину залегла здѣсь тундра и на 150 верстъ пошла она въ глубь страны, до тѣхъ поръ, гдѣ начинается дремучій лѣсъ, извѣстный подъ именемъ «Тайболы». Тундра лежитъ также и по всѣмъ островамъ, которые находятся въ Ледовитомъ океанѣ.

Лѣтомъ, когда солнышко день и ночь стоитъ надъ тундрой, когда отъ теплыхъ лучей его оттаиваютъ мхи и болота, тундра на время оживаетъ. Появляются безчисленныя стаи перелетныхъ птицъ. Лосось и осетръ плывутъ въ рѣки метать икру. Олень спѣшитъ въ тундру

укрыться отъ назойливыхъ оводовъ, появляющихся въ лѣсу цѣлыми тучами. И идутъ сюда въ это благодатное время и рыболовъ, и звѣроловъ, и пастухъ.

Но вотъ дни становятся замѣтно короче, солнышко все менѣе застаивается на небѣ, въ воздухѣ чувствуется свѣжесть. Почуявъ приближеніе осени, все пришлое спѣшитъ оставить тундру: лебеди, гуси, гагары летятъ черезъ всю Русь на югъ, на тихія и теплыя воды морей. Лосось и осетръ возвращаются въ открытое море, олень снова идетъ въ лѣсъ.

Верхній слой тундровыхъ болотъ, оттаявшій въ лѣтнее время, застываетъ, рѣки и озера также замерзаютъ, и все это скрывается подъ снѣжнымъ покровомъ въ сажень вышиной. Тундра становится настоящей пустыней. Гробовая тишина водворяется въ ней на всю зиму. Только пронзительный вой вѣтра, лай одинокаго песца и крикъ бѣлой совы изрѣдка оживляютъ эту подавляющую мертвенность. Въ половинѣ ноября уже и солнце перестаетъ показываться на небѣ: глубокій мракъ охватываетъ тундру—даже сумерекъ не бываетъ (напр. въ городѣ Колѣ). Но, къ счастью, не все это время продолжается такая непроглядная

тьма. Природа не захотѣла быть вполнѣ мачихой и, чтобы нѣсколько облегчить печальную жизнь во тьмѣ обитателей тундры, посылаетъ имъ иногда въ замѣнъ солнца чудное, величественное «сѣверное сіяніе». Въ тихое, безмятельное время, когда полярные холода затягиваются на долго,—стоятъ недѣлю, другую и больше, — въ сѣверной сторонѣ неба начинаютъ играть *сполохи* (сѣверныя сіянія). Въ темномъ облакѣ появляется сперва едва замѣтный проблескъ разсвѣта, потомъ онъ начинаетъ все больше и больше свѣтлѣть и наконецъ мгновенно какъ бы разрывается и превращается въ блестящую дугу. Дуга эта часто отливаетъ синеватымъ или зеленоватымъ цвѣтомъ; свѣтъ ея сверкаетъ и колышется, какъ свѣча, задуваемая вѣтромъ. Такъ продолжается довольно долго, иногда нѣсколько часовъ. Но вотъ свѣтлая дуга сильнѣе заволновалась, расширилась, и мгновенно поднимаются изъ нея словно огненные столбы. Яркій свѣтъ столбовъ безпрерывно измѣняется: то они кажутся зелеными, голубыми, то вдругъ становятся красными, огненными. Ослѣпительное сіяніе охватываетъ все большее и большее простран-

ство, и наконецъ все небо начинаетъ какъ бы горѣть. Снѣгъ покрывается багровымъ, кровавымъ свѣтомъ. Сполохъ горитъ на небѣ иногда во всю ночь и горитъ до того ярко, что привыкшій глазъ можетъ даже читать.

Какъ ни обыкновенно это явленіе въ сѣверномъ краѣ, однако жители при видѣ его всякій разъ чувствуютъ какой-то суевѣрный страхъ. «И привычны мы къ этому самому сполоху, говорятъ они, а все-таки больно пугаемся». Въ появленіи и переливаніи столбовъ различными цвѣтами ихъ воображенію чудится нѣчто сверхъ-естественное: одни почитаютъ ихъ за собраніе злыхъ духовъ, другіе видятъ въ нихъ восходящія на небо души умершихъ родственниковъ,—нѣкоторымъ даже кажется, что они узнаютъ своихъ сестеръ, братьевъ, мужей.

Вообще всѣ коренные обитатели тундры въ высшей степени суевѣрны. Да оно и понятно: всѣ они люди темные, никогда ничему не учились, даже грамотныхъ между ними, пожалуй, ни одного не найдется. «Ученье свѣтъ—неученье тьма», говоритъ пословица. И дѣйствительно, пока истинныя познанія природы не проникнутъ къ невѣжественнымъ

жителямъ тундры, до тѣхъ поръ суевѣріе будетъ тамъ крѣпко держаться.

Какъ ни трепещутъ передъ «сіяніемъ» сѣверные жители, однако съ великимъ восторгомъ встрѣчаютъ они этого дорогаго гостя, хоть отчасти замѣняющаго скрывшееся солнце. Не будь тамъ сполоховъ, просто хоть съ тоски пропадай, а подчасъ пожалуй и съ голоду, такъ какъ пришлось бы всю зиму сидѣть дома—нельзя было бы даже и на промыселъ выйти. А между тѣмъ уже съ октября начинается обычное переселеніе лѣснаго звѣря изъ Зауральскихъ странъ въ тундру.

Первыми появляются *горностаи*. Огромными вереницами бѣгутъ они подъ предводительствомъ своего королька (вожака), бѣгутъ прямо на сѣверъ, гдѣ предполагаютъ найти свою любимую пищу—мясную и рыбную—остатки отъ трапезы волка, лисицы и ворона. Всегда голодные, бѣгающіе по тундрѣ горностаи хватаютъ жадно всякій кусочекъ мяса и рыбы, хотя бы кусокъ этотъ былъ и приманкой, положенной на сторожку (дощечку) кулемки (капканъ, ловушка). Наступитъ вожакъ на сторожку, верхній

гнетъ опускается и своею тяжестью придавливаетъ его головку. Всѣ другіе горностаи, оставшись безъ предводителя, сначала бѣгутъ кучей, а потомъ разсыпаются въ одиночку. Тогда они легче гибнутъ отъ тѣхъ же ловушекъ, которыхъ понаставлено несмѣтное множество, или становятся добычей кровожадной лисы.

Почти одновременно съ горностаемъ является иногда въ тундрѣ и рѣдкая гостья—*куница*. Вырывая себѣ нору, звѣрокъ лежитъ тамъ и «уркаетъ» (мѣстное выраженіе), какъ бы выжидая чуткой собаки, которая укажетъ хозяину на это мѣсто. Приходитъ охотникъ, сгребаетъ снѣгъ и начинаетъ стукомъ и крикомъ выпугивать звѣря изъ норки. Куница выскакиваетъ, но тотчасъ же попадаетъ въ сѣти, заранѣе разставленныя кругомъ норы.

Но ни горностай, ни куница не поглощаютъ всего вниманія промышленниковъ, главный предметъ ихъ промысла въ тундрѣ—*песецъ*. Песецъ по виду похожъ на лисицу, съ такимъ же пушистымъ хвостомъ, но съ болѣе тупымъ рыломъ и маленькими кругловатыми ушами. Шерсть песца бѣлая. На добычу песецъ выходитъ всегда одинъ и весьма рѣдко вдвоемъ. Бойко бѣжитъ онъ, поднявъ го-

лову и чутко обнюхивая воздухъ. Почуя опасность, онъ настораживаетъ свои круглыя уши и, дрожа всѣмъ тѣломъ, припадаетъ на снѣгъ. Дѣйствительно, изъ рощи приземистыхъ кустарниковъ показывается охотникъ, верхомъ на лошади. Чтобъ не спугнуть звѣрка, охотникъ начинаетъ объѣзжать на лошади кругомъ него, дѣлая видъ, что ѣдетъ мимо, а самъ между тѣмъ постепенно приближается. Звѣрокъ все сидитъ на мѣстѣ и не спускаетъ съ врага своихъ черныхъ глазъ. Примѣтивъ, что охотникъ начинаетъ уже въ него цѣлить изъ ружья, онъ окончательно припадаетъ къ землѣ и закрываетъ мордочку лапками. Крестьяне Архангельской губерніи отличные стрѣлки и ихъ пули никогда не пропадаютъ даромъ. Звѣрокъ падаетъ, пушистый хвостъ распускается по снѣгу, обагренному теплою кровью.

Не обходятъ также промышленники и *лисицъ*, которыхъ въ тундрѣ несмѣтное множество. Съ этою цѣлью, обыкновенно поздней весной, они отыскиваютъ при помощи собакъ лисьи норы, разрываютъ ихъ и забираютъ лисьихъ щенятъ. Въ одной норѣ находятъ иногда до 12-ти щенятъ. Взятыхъ дѣтенышей выращиваютъ въ избахъ, кормя

ихъ сначала молокомъ, а потомъ оленьимъ мясомъ и рыбой. Нерѣдко щенята околѣваютъ въ избахъ отъ чада и духоты. Большая часть, однако, доживаетъ въ избѣ до октября. Тогда, если они уже достаточно подросли, ихъ убиваютъ и шкурки за хорошую цѣну сбываютъ на Пинежскую ярмарку.

Въ тундрѣ водится также много *волковъ*, вѣчно голодныхъ хищниковъ, бродящихъ стаями и по-парно. На нихъ крестьяне выставляютъ отраву (нарубленное оленье мясо, смѣшанное съ сулемой). Замѣчено, однако, что отраву хватаютъ преимущественно молодые волки, а старые не только не ѣдятъ ея, но предостерегаютъ еще и молодыхъ, отгоняя ихъ отъ «привады». Иногда охотники бросаютъ куски привады около самыхъ жилищъ и съ заряженными ружьями ждутъ появленія волковъ. Сначала къ кускамъ приманки собираются лисицы: онѣ ѣдятъ жадно и часто дерутся, выхватывая другъ у друга куски. Вслѣдъ за лисицами приходятъ волки, которыхъ охотники и стрѣляютъ изъ оконъ жилья. Иногда на приманку собирается такъ много звѣрей, что промышленники въ одинъ вечеръ убиваютъ ихъ гораздо больше, чѣмъ

могли бы убить въ цѣлый мѣсяцъ зимняго охотничьяго промысла.

Но и песецъ, и горностай, и лисица—все это временные гости тундры: поживутъ мѣсяцъ, другой, да и опять скорѣе во-свояси, если не попадутъ подъ пулю охотника. А есть на тундрѣ и постоянные обыватели, это—*олени*. Мохъ, выстилающій ее въ такомъ изобиліи, крѣпко полюбился оленямъ и сталъ для нихъ единственною лакомою пищей. Зимой, когда мохъ покрытъ толстымъ слоемъ снѣга, олень и тогда его промыслитъ—для этого природа наградила его и чутьемъ, и копытомъ. Нанюхивая черезъ толстый пластъ снѣга тѣ мѣста, гдѣ народилось много моху, олень передними копытами разбиваетъ пластъ, разрываетъ снѣгъ,—и такъ сытъ во всю зиму. По природѣ олень очень пугливъ и робокъ. Стоитъ только, чтобы два-три испугавшіеся оленя шарахнулись въ сторону, какъ мгновенно бросается цѣлое стадо. Вихремъ несется оно по обширной пустынѣ и колеблетъ тундру своею тяжестью, такъ что для непривычнаго человѣка это колебаніе кажется дѣйствительнымъ землетрясеніемъ. Ослѣпленное страхомъ стадо не смотритъ на препятствія въ бѣгствѣ. Встрѣтится ли болото—

олени несутся и по нему, не обращая вниманія на тѣхъ, которые увязли; быстрая ли рѣка или озеро пересѣкаютъ путь—они бросаются въ воду и плывутъ дальше.

Самый постоянный и непримиримый врагъ оленя—волкъ. Обладая хитростью и силой, волкъ ловко бросается на оленя, хватаетъ его за горло и душитъ. Это убійство служитъ ему даже какъ бы забавой, потому что, задушивъ одного оленя, волкъ подкрадывается къ другому, хотя для утоленія голода ему совершенно достаточно и одного. Человѣка волки боятся и когда заслышатъ крикъ, которымъ ихъ нарочно пугаютъ, удаляются и только косо поглядываютъ на дрожащихъ отъ страха оленей, которые везутъ проѣзжающихъ.

Олень—это краса тундры и въ то же время единственная поддержка и утѣшеніе обитателей. Не водись въ тундрѣ олень, не жили бы тамъ и люди—тундра была бы необитаемой пустыней. Для осѣдлой жизни она однако не годится и потому тамъ нѣтъ постоянныхъ жилищъ; народы, ее населяющіе, постоянно переходятъ съ мѣста на мѣсто, или, какъ говорятъ, «кочуютъ». Въ нашей

тундрѣ такихъ бродячихъ народовъ два: Лопари и Самоѣды.

Лопари.

Лопари принадлежатъ къ Финскому племени. Съ давнихъ поръ уже бродятъ они по пустынному Кольскому полуострову, составляющему сѣверо-западную часть Архангельской губерніи. Мѣстожительство свое они мѣняютъ, по крайней мѣрѣ, раза 4 въ годъ; но никогда при этомъ не перевозятъ съ собою жилищъ. Для этой цѣли у нихъ понастроены всюду хижины, такъ что куда ни отправится Лопарь—къ морю ли, къ озеру ли какому—вездѣ найдетъ онъ свою хижину: а въ случаѣ, если прикочевалъ въ такое мѣсто, гдѣ еще не бывалъ и, значитъ, не обзавелся еще и домкомъ, то тотчасъ-же приступаетъ къ постройкѣ. Часа черезъ два, много три, лопарскій домъ, называемый *вьжей*, уже совершенно готовъ. Строится онъ изъ жердей. На жерди накидывается хворостъ и пласты дерна, а у верхняго конца жердей оставляется мѣсто для выхода дыма: кромѣ того, съ южной стороны хижины оставляется еще

отверстіе, чрезвычайно узкое.—оно прикрывается дверью, кое-какъ сколоченною изъ двухъ, трехъ дряблыхъ дощечекъ. Дверь эта съ большимъ усиліемъ поднимается къ верху, но за то очень быстро захлопывается и можетъ придавить своею тяжестью, какъ дверца ловушки. Полъ большею частью земляной, устланный оленьими шкурами: изрѣдка попадается и деревянный. Въ вѣжѣ прорѣзываются иногда два — три маленькихъ окошечка.

Въ концѣ апрѣля, когда наступаетъ въ Лапландіи весна, Лопари оставляютъ свои зимніе погосты и отправляются—кто на Мурманскій берегъ, кто на Терской и Кандалашскій, смотря по тому, какой изъ этихъ береговъ ближе къ зимнимъ погостамъ. Сборы Лопаря въ путь не длинны: онъ ѣдетъ за сотни верстъ—точно отправляется версты за двѣ. Брать съ собой ему нечего—въ новой хижинѣ онъ найдетъ все, что можетъ понадобиться. Приведетъ своихъ оленей и запряжетъ ихъ въ каждыя сани по одному, а такъ какъ въ саняхъ помѣщается только одинъ человѣкъ, то весь поѣздъ состоитъ изъ столькихъ экипажей, сколько членовъ въ семействѣ. Будутъ они не разбирая пути. Для

Лопаря тамъ и дорога, гдѣ онъ ѣдетъ. Опасаться, что онъ заблудится, нечего—родная пустыня ему такъ же знакома, какъ для насъ улица своего города. Въ дальнихъ поѣздкахъ Лопари не всегда имѣютъ на дорогѣ какой-нибудь пріютъ, чтобы можно было въ немъ обогрѣться и переночевать. Тогда они зарываются въ снѣгъ, закутавшись въ свои теплыя одежды: раскладываютъ также и огонь,—для этого всякій Лопарь имѣетъ съ собой непремѣнно огниво. Достигнувъ берега, они принимаются за ловлю трески и палтуса.

Въ августѣ, когда приходятъ на берегъ большія ладьи за уловомъ, вѣчно сонливые Лопари немного оживляются: они спѣшатъ промѣнять на привезенные товары все, что успѣли наловить за лѣто и зиму—мѣха оленьи и лисьи. гориостая, рыбу, морскаго звѣря. Рѣдко однако остаются они въ барышахъ при этомъ обмѣнѣ—пріѣзжіе торговцы ихъ страшно обманываютъ. Долго иной разъ не соглашается Лопарь отдать свой товаръ за ту цѣну, которую ему предлагаютъ. Осердившись, уйдетъ онъ въ свой шалашъ, черезъ минуту опять выйдетъ, потомъ опять уйдетъ, и такъ много разъ. Но стоитъ только хитрому

покупателю предложить чарочку водки, какъ довѣрчивый Лопарь становится необыкновенно сговорчивъ. Онъ тотчасъ же предложитъ «покрестоваться», т. е. обмѣняться крестами, сдѣлаться крестовыми братьями, и тогда уже, ради своего новаго брата, онъ готовъ, какъ говорится, душу заложить. А покупателю этого только и надо. Вообще Лопарь очень добродушенъ и необыкновенно честенъ. Русскіе промышленники это отлично знаютъ и потому, уходя домой, совершенно спокойно оставляютъ его сторожемъ всего запаса на будущую весну. Семь мѣсяцевъ наблюдаетъ Лопарь становище за самую ничтожную сумму и все въ полной цѣлости передаетъ хозяевамъ, не утаивъ себѣ даже мелочи. А между тѣмъ надзору его ввѣряютъ часто нѣсколько сотъ пудовъ трески, палтусины и семги.

По окончаніи лова Русскіе промышленники имѣютъ обычай устраивать для Лопарей прощальную пирушку. Такихъ пирушекъ бываетъ одновременно пять—шесть, и Лопари приглашаются на каждую. Казалось бы, что невозможно участвовать на всѣхъ этихъ обѣдахъ, но Лопарь непремѣнно явится къ каждому: окончивъ одинъ обѣдъ, переходитъ къ другому, третьему и т. д. Для лучшаго аппе-

тита въ промежуткахъ между обѣдами онъ обыкновенно покувыркается и покатается по землѣ. Наши русскіе крестьяне тоже, какъ извѣстно, обладаютъ прекраснымъ аппетитомъ; но и они, смотря на этотъ прощальный обѣдъ Лопарей, только усмѣхаются да покачиваютъ головой.

Главною пищею Лопаря служитъ рыба; дичь и оленье мясо они употребляютъ только по праздникамъ. Въ постные дни ѣдятъ квашеныя ягоды, пареную рѣпу и хлѣбъ. Къ хлѣбу нынче всѣ Лопари привыкли и очень любятъ его; но такихъ хлѣбовъ, какъ наши, они печь не умѣютъ, да и невозможно испечь ихъ на такихъ очагахъ, какіе у Лопарей. Они обыкновенно приготовляютъ изъ тѣста тонкія лепешки, которыя и жарятъ на раскаленномъ камнѣ. Бѣдняки примѣшиваютъ къ мукѣ сосновую кору или солому. Кору эту собираютъ весной, сушатъ, трутъ и толкутъ въ ступахъ, выдолбленныхъ въ бревнѣ, и порошокъ этотъ примѣшиваютъ къ мукѣ. Однако, такой хлѣбъ мало питателенъ и неудобоваримъ; одна только крайняя нужда можетъ заставить прибѣгать къ такому хлѣбу. Ѣдятъ Лопари, сидя на полу, причемъ приготовленную пищу и хлѣбъ кла-

дутъ на широкую четырехъ-угольную доску. Столовъ и стульевъ у нихъ нѣтъ.

Вообще жизнь Лопаря крайне незатѣйлива; но онъ вполнѣ доволенъ своей судьбой,—однообразная жизнь ему по сердцу, такъ какъ онъ страшно лѣнивъ. Кабы не сильная нужда—всю зиму, кажется, проспалъ бы онъ непробуднымъ сномъ. Но голодъ не тетка: не поработаешь—нечего будетъ и ѣсть. Поневолѣ вылѣзетъ Лопарь изъ своей вѣжи, подвяжетъ длинныя лыжи, обтянутыя оленьей шерстью, и побѣжитъ за лисицей, за горностаемъ и другими звѣрями въ тѣ мѣста тундры, гдѣ есть хоть кое-какой кустарникъ. Съ изумительной ловкостью вскарабкивается онъ на этихъ лыжахъ на горы и съ поразительной быстротой сбѣгаетъ внизъ—въ долины. Въ этомъ искусствѣ у Лопаря нѣтъ соперниковъ. Онъ необыкновенно ловокъ также и въ ловлѣ дикаго оленя. У нихъ даже заведенъ такой обычай, что Лопарь, не убившій дикаго оленя, не имѣетъ права жениться.

А забавно Лопарь справляетъ свою свадьбу. Невѣсту онъ покупаетъ у родителей. Для этого вмѣстѣ со своей родней женихъ отправляется въ вѣжу невѣсты и когда его (по обычаю) не пускаютъ, то онъ, съ молитвой «Го

споди Іисусе». начинаетъ стучать. Въ полуотворенную дверь просовываетъ голову привратникъ и, щуря глазъ, сердитымъ и грубымъ голосомъ говоритъ: «Не вижу, что тамъ за люди пришли». Ему подаютъ деньги, онъ третъ ими одинъ глазъ и щуритъ другой. На этотъ глазъ также подаютъ монеты. Но Лопарь все-таки гостей не пускаетъ и жалуется, что «горло болитъ», — ему даютъ платокъ. «Озябъ», говоритъ,—водкой поятъ. Послѣ этого проводники жениха говорятъ, что идутъ они отъ заморскаго купца, у котораго улетѣла золотая птичка и спряталась тутъ. Гостей приглашаютъ войти и посмотрѣть. Прежде всѣхъ входитъ женихъ и что есть силы топаетъ ногами. Его осаживаютъ, какъ оленя, крикомъ «тпру»! Но невѣсты тутъ еще нѣтъ, а сидитъ родня ея и отецъ, понуривъ голову. Его дарятъ всѣмъ, чего захочетъ. Когда женихъ одаритъ всѣхъ, выводятъ невѣсту и спрашиваютъ: «не это ли золотая птичка»? И когда оказывается, что это она, сватъ беретъ руку жениха, а сваха руку невѣсты, слегка дотрогиваются ихъ руками и тотчасъ отстраняютъ, и такъ до трехъ разъ. Послѣ этого женихъ одинъ уѣзжаетъ домой, а остальные Лопари начи-

наютъ пьянство. На другой день бываетъ свадьба, уже безъ всякихъ обрядовъ. Молодой долженъ годъ работать на тестя; потомъ строитъ свою вѣжу и лѣто рыбачитъ, а зимою ловитъ птицъ и лѣснаго звѣря.

Изо всѣхъ обитателей тундры Лопари охотнѣе другихъ подаются на русскіе обычаи. Уже прошло слишкомъ четыреста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ они приняли христіанство отъ св. Трифона Печенгскаго. Трифонъ былъ сынъ священника; вслѣдствіе склонности къ уединенной жизни онъ удалился въ дикій сѣверный край. Своею добродѣтельною, истинно-христіанскою жизнью онъ снискалъ себѣ любовь и уваженіе тамошнихъ обитателей. Тогда онъ пригласилъ изъ Колы іеромонаха, который и крестилъ Лопарей, а самого Трифона облекъ въ иноческій санъ. На рѣкѣ Печенгѣ Трифонъ заложилъ первый въ этомъ краѣ монастырь. Въ настоящее время этотъ монастырь уже не существуетъ: его разорили и сожгли въ 1589 г. Шведы, дѣлавшіе безпрерывные набѣги на все поморье. Теперь на этомъ мѣстѣ стоитъ церковь и ежегодно 15-го декабря сюда пріѣзжаетъ изъ Колы священникъ. Къ этому дню изъ самыхъ дальнихъ концовъ Лапландіи съѣзжаются

Лопари, которые глубоко чтутъ своего перваго наставника и передаютъ изъ рода въ родъ преданіе о его благочестивой жизни. Лопари очень любятъ строить часовни и охотно ходятъ на молитву, особенно когда два раза въ годъ ихъ навѣщаютъ Русскіе священники. Они строго соблюдаютъ посты и нерѣдко посѣщаютъ Соловецкій монастырь.

Корелы.

По сосѣдству съ Лопарями, только южнѣе ихъ. живетъ другое племя — Корелы. Они занимаютъ весь юго-западъ Кемскаго уѣзда. Природа въ этихъ мѣстахъ, называемыхъ «Корелiей», значительно богаче Лопарской: здѣсь уже попадаются вполнѣ развитые лѣса, а кое-гдѣ можно встрѣтить даже и пажити, засѣянныя ячменемъ. Впрочемъ, для земледѣлія Корелія еще далеко не удобна. Корелъ сѣетъ хлѣбъ всегда на авось, безъ малѣйшей увѣренности, что будетъ вознагражденъ за труды. У него одна надежда: выдастся іюнь безъ морозныхъ ночей — прокормитъ онъ тогда себя и семью своимъ хлѣбомъ: если же нѣтъ — придется голодать.

Земли онъ не запахиваетъ, а объ удобренiи конечно и помину нѣтъ. Выжжетъ себѣ лѣсу сколько ему нужно, не убираетъ ни пней, ни корней—и поле готово. На слѣдующiй годъ выжжетъ лѣсъ далѣе, и такъ подвигается въ продолженiи 8-ми лѣтъ, а затѣмъ снова возвращается къ первому полю, которое успѣваетъ за это время порости. Между Корелами есть много хорошихъ мастеровъ; особенно славятся они своимъ кузнечнымъ мастерствомъ: всѣ винтовки, которыми бьютъ поморы крупнаго морскаго звѣря, всѣ ружья, которыми они добываютъ лѣснаго звѣря и птицъ, выходятъ изъ Корельскихъ кузницъ и отсюда расходятся по всей Архангельской губернiи, даже въ самыя отдаленныя ея мѣста, какъ напр. Печорскiй край. Ремесло это для Кореловъ очень выгодно, такъ какъ безчисленныя болота ихъ необыкновенно богаты желѣзною рудою. Правильныхъ заводовъ они, однако, не имѣютъ и добытую руду обработываютъ въ домашнихъ кузницахъ; тутъ-же приготовляютъ они и свои винтовки, топоры, горбуши, словомъ—всѣ желѣзныя вещи, необходимыя для домашняго обихода. Понятно, что все это приготовляется очень грубо: ни одно ружье, напр., не бьетъ пра-

вильно—иное беретъ влѣво, другое вправо, и большею частью отдаетъ такъ сильно въ плечо, что просто съ ногъ валитъ. Поморы, однако, съ этимъ неудобствомъ мирятся: они и съ Корельскими ружьями все-таки первые стрѣлки въ Россіи.

Занимаются Корелы еще и другимъ промысломъ—кораблестроеніемъ. Это искусство, также какъ и кузнечное, передается отъ отца къ сыну и составляетъ нѣкотораго рода наслѣдство. Верстахъ въ 15-ти отъ Кеми есть большая деревня Подъ-ужемье, въ которой живутъ потомственные судостроители. Къ нимъ-то всегда и обращаются поморы, когда желаютъ строить ладьи, боты или какія другія суда.

Между Корелами начала развиваться въ послѣднее время также страсть къ коммерціи. Скопивъ какъ нибудь немного денегъ, отправляется Корелъ на Шунгскую ярмарку (на границѣ Олонецкой губ.). Закупивъ здѣсь платковъ, ситцевъ, нитокъ, булавокъ, иголокъ и другихъ мелочей, онъ укладываетъ товаръ въ ящикъ, взваливаетъ его на спину и отправляется продавать свои «красные товары». Такаго странствующаго торговца можно встрѣтить и въ глуши сѣверной Финляндіи.

и даже въ пустыняхъ Лапландскихъ. Продавъ весь товаръ, Корелякъ накупаетъ у Финляндскихъ поселянъ шерстяныхъ юбокъ и перепродаетъ ихъ русскимъ поморамъ, а затѣмъ снова отправляется на ярмарку. При счастливомъ ходѣ онъ скоро такъ наживается, что уже пускается въ болѣе широкую торговлю. Тогда уже онъ не хочетъ самъ разносить свои товары, а нанимаетъ другаго, и не довольствуется поѣздкой только на Шунгскую ярмарку, но ѣздитъ даже и въ Москву. Въ домѣ его появляется изобиліе и роскошь; онъ живетъ бариномъ и, умирая, завѣщаетъ своимъ дѣтямъ капиталъ и выгодную торговлю.

Но, къ сожалѣнію, далеко не всѣмъ Кореламъ такъ хорошо живется, какъ торговцамъ и ремесленникамъ. Земляки ихъ, не знающіе ни кузнечнаго, ни корабельнаго мастерства и не обладающіе коммерческими способностями, ведутъ въ высшей степени жалкую жизнь. Одни изъ нихъ — земледѣльцы — нерѣдко цѣлыми семействами ходятъ побираться милостыней; другіе-же — становятся рабами богатыхъ поморовъ, имѣющихъ мореходныя суда. Эти бѣдняки нанимаются въ работники (покруты) на поморскія лады и

за ничтожную плату должны работать на тяжелыхъ морскихъ промыслахъ въ теченіи всего лѣта. Деньги, которыя получитъ за это время такой работникъ, составляютъ все его достояніе. Но развѣ достаточно ихъ, чтобы прокормить цѣлый годъ семейство и уплатить подати? Конечно нѣтъ, и потому поневолѣ бѣднякъ обращается къ своему хозяину, чтобы тотъ ссудилъ его деньгами или хлѣбомъ, за что обязывается работать на него. Съ каждымъ годомъ бѣднякъ увеличиваетъ все болѣе и болѣе свой долгъ новыми займами и доходитъ до того, что дѣлается вѣчнымъ батракомъ своего хозяина.

По характеру Корелы очень разнятся отъ своихъ собратій Лопарей. Въ противоположность ихъ неподвижности и угрюмости, Корелы отличаются необыкновенною живостью и безпечностью. Какъ ни гнететъ судьба Корела, а онъ все-таки смѣется и посреди самой отчаянной нужды распѣваетъ свои любимыя пѣсни. Поморы, къ которымъ они такъ часто нанимаются въ работники, не нахвалятся ихъ трудолюбіемъ, а также тихимъ и миролюбивымъ нравомъ.

Но оставимъ Кореловъ и перейдемъ на другую сторону Бѣлаго моря, въ нашу вос-

точную тундру, гдѣ живетъ другое бродячее племя—Самоѣды.

Самоѣды.

Самоѣды когда-то, въ очень давнее время, жили въ Азіи: но тѣснимые другимъ, болѣе сильнымъ народомъ, они переселились въ нашу пустынную тундру. Когда именно они совершили это переселеніе—неизвѣстно. Вступая въ холодную страну, много бѣдъ перенесли они, пока пообвыкли; но въ концѣ концовъ совершенно сжились со своей новой родиной и даже полюбили ее. Долго-ли они жили независимо по своемъ приходѣ—мы ничего не знаемъ. Извѣстно только, что пять столѣтій тому назадъ Новгородцы проникли въ тундру и приказали Самоѣдамъ платить имъ дань. Сперва они являлись къ нимъ только для сбора этой дани и для мѣновой торговли, но съ пятнадцатаго вѣка, когда былъ устроенъ Пустозерскій острогъ, они сами стали селиться въ тундрѣ. Съ этихъ поръ начинается притѣсненіе Самоѣдовъ. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, при устьѣ рѣки Пжимы (притокъ Печоры) появилось еще новое селеніе—Зырянское. По-

завидовали Зыряне благосостоянію полудикихъ обитателей тундры и еще пуще Русскихъ стали тѣснить ихъ. Пойдетъ-ли Самоѣдъ звѣрей ловить или рыбу—оттуда гонятъ его; придетъ-ли на кочевье—тамъ уже вытоптанъ мохъ. Словомъ, куда ни сунется, куда ни обернется бѣднякъ Самоѣдъ, повсюду его гонятъ вновь появившіеся владѣльцы тундры: поневолѣ у него годъ отъ году недочетъ въ стадѣ, а нужда все болѣе и болѣе пришибаетъ. Много возмутительныхъ преступленій совершено было въ этой борьбѣ сильнаго со слабымъ, но всѣ они оставались безнаказанными, такъ какъ кому-же было судить въ такой глухой пустынѣ.

Чтобы легче было обманывать простоватыхъ Самоѣдовъ, хитрые промышленники познакомили ихъ со спиртными напитками. Водка такъ полюбилась Самоѣдамъ, что они съ тѣхъ поръ пропиваютъ все, что добываютъ звѣринымъ промысломъ. На вырученныя отъ продажи мѣховъ деньги не всѣ даже запасаются мукой—большинство довольствуется однимъ оленьимъ мясомъ и рыбой. Водку же пьютъ всѣ безъ исключенія—и мужчины, и женщины.

Съ бочкой вина выѣзжаетъ Зырянинъ въ

тѣ мѣста тундры, гдѣ Самоѣды ставятъ капканы на волковъ, лисицъ, горностаевъ и проч. Со льстивою рѣчью, почетнымъ поклономъ и добрыми пожеланіями входитъ онъ въ чумъ Самоѣда, преимущественно богатаго. Самоѣдъ радъ гостю, сажаетъ его поближе къ огоньку, спрашиваетъ согласія заколоть оленя, чтобы угостить его теплой печенкой. Зырянинъ благодаритъ и предупреждаетъ своимъ угощеніемъ, вытаскивая изъ рукава полуштофъ спирта, сильно разбавленнаго водой. У Самоѣда и глаза заискрятся при видѣ вина. Когда полуштофъ осушенъ, Самоѣдъ поглядываетъ съ замираніемъ, не вытащитъ-ли гость еще другой. Но Зырянинъ сидитъ, улыбается и выжидаетъ своей поры. Наконецъ предлагаетъ онъ принести и еще штофъ, но только уже за деньги. За вторымъ появляется третій и т. д. Подпаивая добродушныхъ дикарей, Зыряне выманиваютъ у нихъ за безцѣнокъ самыя дорогія и хорошія шкурки. При помощи водки они большую часть Самоѣдовъ превратили въ своихъ батраковъ. Прежде Зыряне нанимались въ пастухи къ богачамъ-Самоѣдамъ, а теперь бывшіе богачи живутъ въ пастухахъ у Зырянъ.

Судя по названію, можно было-бы принять Самоѣдовъ за людоѣдовъ; но нѣтъ ни одного случая, ни одного свидѣтельства, которое бы это подтверждало. Сами-же себя они называютъ «Ненецъ», т. е. человѣкъ. По наружности Самоѣдъ очень не казистъ: онъ небольшаго роста, голова покрыта черными лоснящимися волосами, широкое, почти плоское лицо съ выдающимися скулами, широкій, приплюснутый носъ и очень маленькіе глазки. При этомъ онъ имѣетъ красновато-желтый цвѣтъ лица и почти всегда изуродованъ оспой. Самоѣды—народъ полудикій, кочевой, съ удобствами осѣдлой жизни совсѣмъ не знакомый. У рѣчки или озера раскидываетъ Самоѣдъ свой *чумъ*, т. е. жилище, очень похожее на Лопарскую вѣжу. Оно также устраивается изъ жердей, но покрывается оленьими шкурами, менѣе прочно и не такъ велико. Въ чумѣ можно только сидѣть; вставая же, надо непремѣнно наклонять голову, иначе придется удариться о наклонныя стѣны. Посреди чума вырывается яма и надъ ней на перекладинахъ кладется желѣзный листъ, на которомъ постоянно горитъ хворостъ. Какъ ни убого это жилище, но Самоѣдъ имъ совершенно доволенъ и не

видитъ въ немъ никакихъ неудобствъ. Бывали, напримѣръ, такіе случаи: Самоѣда приглашаютъ изъ состраданія переночевать въ теплой русской избѣ, и что-же?—среди ночи онъ поднимается и ложится спать на морозѣ, зарывшись въ снѣгу. Холодный чумъ ему любезнѣе нашей теплой хаты, да и по устройству своему онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ его кочевой жизни. Въ этомъ отношеніи нельзя придумать жилища болѣе удобнаго, какъ чумъ. Настанетъ пора перекочевать въ другое мѣсто—укладываетъ Самоѣдъ свои пожитки и съѣстные припасы, снимаетъ оленьи шкуры, разбираетъ жерди—и черезъ полчаса остается лишь вытоптанный кругъ, гдѣ стоялъ шалашъ.

Мѣсто своего кочевья Самоѣдъ мѣняетъ очень часто: то онъ уходитъ къ морскимъ берегамъ, то удаляется въ глубь тундры. Правильнаго кочевья у него однако нѣтъ—онъ даже не можетъ назначить, сколько времени пробудетъ тамъ, куда пришелъ. Въ этомъ случаѣ онъ совершенно зависитъ отъ своихъ оленей. Когда стадо поѣстъ весь мохъ, Самоѣдъ долженъ немедленно переселяться, иначе оленей ничѣмъ не удержишь.

Передъ отъѣздомъ онъ выпускаетъ своихъ

собакъ и особымъ крикомъ приказываетъ имъ загонять оленей. Черезъ полчаса все стадо собирается около чумовъ. Самоѣдъ, забрасывая на рога петли, ловитъ столько оленей, сколько ему нужно для упряжи. Между тѣмъ хлопотливая Самоѣдка уже сняла чумъ и вмѣстѣ съ остальнымъ скарбомъ уложила его на сани. Остается только запречь оленей. Въ каждыя сани, смотря по тяжести, запрягаютъ по 3 — 4, и даже по 6-ти оленей. Запрягаютъ ихъ всегда въ рядъ и, чтобъ не разбѣжались, связываютъ ремнями. Сани Самоѣда очень просты и легки. Особенно важно послѣднее качество, такъ какъ сани служатъ и зиму и лѣто. По мхамъ и болотамъ невозможно ѣздить на колесахъ, а сани скользятъ и, что самое главное, не тонутъ и не вязнутъ. Лѣтомъ, встрѣчая на пути рѣку, Самоѣдъ преспокойно пускаетъ оленей въ воду и, ставши на сани, ѣдетъ на оленяхъ и по рѣкѣ.

Прибывъ на избранное мѣсто, Самоѣдъ распускаетъ оленей, собираетъ чумъ, и если есть что пообѣдать, то ложится отдыхать, а если нѣтъ, то беретъ винтовку и отправляется на охоту.

Одежда Самоѣда, также какъ и Лопаря,

состоитъ изъ мѣшка, сшитаго изъ оленьихъ шкуръ, шерстью внизъ: это—*малица*. Въ сильные холода и въ дорогѣ Самоѣдъ сверхъ малицы надѣваетъ еще другой такой-же мѣшокъ. только шерстью вверхъ. Рубашекъ Самоѣды вовсе не носятъ — по ихъ образу жизни онѣ имъ вовсе не нужны. да и стирать ихъ негдѣ. Бани, купанья у нихъ также не существуетъ. Проснувшись утромъ. Самоѣды выходятъ изъ чума и трутъ себѣ лицо снѣгомъ. совершая нѣчто въ родѣ нашего умыванья. Этимъ и ограничиваются всѣ ихъ заботы о чистотѣ.

Несмотря на постоянныя притѣсненія. Самоѣды сохранили добродушіе и необыкновенное гостепріимство. Въ знакъ особаго вниманія къ гостямъ они обыкновенно выбираютъ самаго лучшаго оленя, приводятъ его къ чуму и убиваютъ однимъ ударомъ ножа въ голову. Затѣмъ снимаютъ съ бока убитаго оленя часть шкуры. вырѣзываютъ нѣсколько реберъ и вынимаютъ внутренности. Когда эти приготовленія окончены. приступаютъ къ обѣду. Хозяинъ отрѣзаетъ кусокъ мяса. опускаетъ его въ теплую кровь и ѣстъ: затѣмъ приглашаетъ гостя. послѣ него подходитъ по очереди

всѣ члены семейства и сосѣди. Остатки крови выливаютъ въ мѣшокъ изъ желудка оленя, а мясо разрѣзаютъ и замораживаютъ.

Всѣ Самоѣды вѣрятъ въ загробную жизнь, но думаютъ, что она подобна здѣшней. Поэтому они кладутъ въ могилу вмѣстѣ съ покойникомъ его одежды, чашки, ложки, ружье, сани и прочія принадлежности. Умершій лежитъ въ чумѣ дня два, укутанный оленьими шкурами. Когда соберутся родственники, тѣло выносятъ, но не въ обыкновенную дверь, а въ отверстіе, сдѣланное въ стѣнѣ, противъ которой лежалъ умершій. Его кладутъ на сани, запряженныя любимыми оленями, и везутъ въ лѣсъ, гдѣ похоронены его родственники. Тѣло опускаютъ въ могилу, засыпаютъ землею и, при громкихъ крикахъ, убиваютъ одного изъ оленей, привезшихъ покойнаго, и тутъ-же съѣдаютъ его; этимъ и кончается церемонія. Чумъ, въ которомъ былъ покойникъ, непремѣнно переносится на другое мѣсто.

Лѣтъ около ста тому назадъ всѣ Самоѣды были язычники, но теперь попадается между ними много христіанъ, и есть даже нѣсколько постоянныхъ церквей, тамъ, гдѣ

они сидятъ попрочнѣе. Но во всякомъ случаѣ они еще крѣпко держатся язычества, въ особенности въ глухой тундрѣ.

По понятію Самоѣдовъ-язычниковъ всѣмъ міромъ управляетъ высшее существо—*Нумъ* (Богъ), недоступное для взоровъ грѣшныхъ людей. Нумъ очень милостивъ и любитъ людей. Кромѣ Нума есть у нихъ еще и злые духи—*тадебцiи*, которые постоянно стараются дѣлать зло людямъ. Посредниками между ними и народомъ служатъ нѣкоторые избранники, называемые *тадибе*. Въ «тадибе» обыкновенно попадаютъ тѣ изъ дикарей, кто посмышленнѣе да поплутоватѣе. Это того-же поля ягода, что наши деревенскіе плуты-колдуны. Вся ихъ наука—умѣть ловко обмануть простодушнаго суевѣрнаго Самоѣда. Съ малыхъ лѣтъ учатся они бить на барабанѣ, дѣлать фокусы, читать непонятныя слова, кричать на разные звѣриные голоса. Всѣ тадибе умѣютъ кое-какъ лечить и охотно даютъ совѣты во всѣхъ несчастіяхъ и неудачахъ жизни: но ни за леченье, ни за молитву они безъ фокусовъ и заклинаній не принимаются. Самоѣдъ вѣритъ, что если кто-нибудь заболѣлъ, или скотъ начинаетъ падать, то это непремѣнно сотворилъ злой духъ и его

надо выгнать. Русскому лѣкарю этого не сдѣлать,—думаетъ онъ,—одинъ только тадибе можетъ побѣдить злаго духа. А хитрому и ловкому тадибе это и на руку. Явившись по приглашенію въ чумъ, онъ прежде всего принимается изо всей силы бить въ барабанъ и страшно кричать. Кричитъ такъ долго, что наконецъ у него изо рта показывается пѣна, глаза наливаются кровью, и самъ онъ нерѣдко падаетъ отъ изнеможенія. Старые и опытные тадибе часто продѣлываютъ еще при этомъ различные фокусы: хватаютъ, напримѣръ, голыми руками и лижутъ языкомъ раскаленное желѣзо, выворачиваютъ себѣ суставы на рукахъ и на ногахъ, словомъ дѣлаютъ то, что и обыкновенные фокусники; но дикари не понимаютъ, что это только ловкія штуки, и платятъ за нихъ очень дорого.

Кромѣ Нума и тадебціевъ есть у Самоѣдовъ еще и второстепенные боги—«хеги». Ими служатъ какія-нибудь особенныя деревья, каменья и пр. Найдетъ, напримѣръ, Самоѣдъ какую рѣдкость и сейчасъ произведетъ ее въ боги, обвѣшаетъ пестрыми тряпками, положитъ въ сани и таскаетъ всюду, куда ни отправится. А иной разъ и самъ вырѣжетъ

изъ дерева какую нибудь чурку на подобіе человѣческой фигуры и носитъ ее за пазухой. Такихъ-же идоловъ ставятъ они тамъ, гдѣ собираются для промысла звѣрей и ловли рыбы. При счастливомъ исходѣ они мажутъ имъ рты кровью, пихаютъ въ ротъ кусочки оленьяго мяса. Въ случаѣ же неудачи—не только ничего не даютъ, но еще бьютъ ихъ, какъ недѣйствительныхъ боговъ, и вмѣсто нихъ вырѣзаютъ новыхъ.

Обращаясь къ Нуму или хегу, Самоѣдъ непремѣнно долженъ принести жертву, что совершается такимъ образомъ: животное сначала удавливаютъ, потомъ отрубаютъ ему голову и втыкаютъ на колъ, обращая мордой на востокъ или западъ. Мясо тутъ-же съѣдается сырое.

Въ настоящее время христіанство все болѣе и болѣе распространяется между Самоѣдами и многія мѣста уже совершенно очищены отъ идоловъ.

Что касается семейной жизни Самоѣдовъ, то мало и тамъ утѣшительнаго. У нихъ, какъ и у всѣхъ грубыхъ народовъ, гдѣ уважается лишь физическая сила, мужъ властвуетъ, а жена—безотвѣтная раба, которою онъ помыкаетъ, какъ ему вздумается. — Когда Само-

ѣдъ хочетъ жениться, то находитъ себѣ свата и вмѣстѣ съ нимъ отправляется къ родителямъ своей избранницы; но въ хижину самъ не входитъ, а посылаетъ свата. Если тотъ принесетъ отказъ, онъ тотчасъ-же возвращается домой; если же согласны отдать за него, то идетъ въ чумъ, условливается о приданомъ своей невѣсты и безъ всякихъ обрядовъ уводитъ ее къ себѣ. Съ этой минуты онъ становится ея неограниченнымъ владыкой, а за нею признается только одно право—работа. И дѣйствительно, это—неутомимая труженица. Съ ранняго утра и до глубокой ночи Самоѣдка не имѣетъ ни минуты покоя: она и въ домѣ по хозяйству—печетъ, стряпаетъ, убираетъ; она-же нянчитъ ребятишекъ, цѣлые дни таская ихъ всюду съ собой на спинѣ и за пазухой; она-же обшиваетъ всѣхъ съ мала до велика, собираетъ и разбираетъ чумъ, въ случаѣ нужды ходитъ за подаяніемъ и пр. А мужъ между тѣмъ лежитъ себѣ въ чумѣ большую часть дня и ничего не хочетъ дѣлать. Положеніе женщинъ въ самоѣдской семьѣ стало впрочемъ улучшаться съ тѣхъ поръ, какъ начало между ними распространяться христіанство. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ жена уже пол-

ноправная хозяйка и безъ ея совѣта и согласія не предпринимается мужемъ никакое важное семейное дѣло.

Ледовитый океанъ.

Подвигаясь далѣе къ сѣверу, мы достигнемъ береговъ суроваго и малодоступнаго океана, называемаго «Ледовитымъ»: названіе это получилъ онъ потому, что большую часть года покрытъ плавающими льдами. У береговъ Сибири Ледовитый океанъ недоступенъ для плаванія даже и лѣтомъ: у европейскихъ же береговъ становится совершенно открытымъ и чистымъ мѣсяца на $2^{1}/_{2}$ или на 3. И этимъ мы обязаны пустынному и съ виду совсѣмъ безполезному острову «Новая Земля». Какъ каменная стѣна стоитъ онъ на пути несущихся изъ Карскаго моря льдовъ и удерживаетъ большую часть ихъ отъ дальнѣйшаго странствованія къ нашимъ берегамъ. Не будь этого острова, нельзя было-бы вовсе плавать ни по Ледовитому океану, ни по Бѣлому морю — зиму и лѣто были-бы они полны льдовъ. Однако и здѣсь уже съ сентября мѣсяца береговыя окраины подергиваются

широкимъ ледянымъ покровомъ или, какъ тамъ называютъ, ледянымъ *припаемъ*, а въ самомъ океанѣ появляется такъ называемое «сало», т. е. ледяныя иглы, дѣлающія воду матовой, какъ-бы «засаленной». Иглы, смерзаясь, образуютъ громадныя угловатыя льдины, саженъ въ полторы длиной, зовущіяся «блинами». Блины въ свою очередь, все болѣе намерзая, переходятъ въ ледяные острова, и даже ледяныя поля, величиною въ нѣсколько сотъ квадратныхъ верстъ. Кромѣ того ледники полярныхъ странъ дарятъ океану исполинскія ледяныя горы и валы, которые и приносятся къ берегамъ господствующими тамъ сѣверо-восточными вѣтрами. Горы эти нерѣдко садятся на мель, или задерживаются подводными скалами, и такъ остаются на нѣсколько лѣтъ, пока не растаютъ. Однажды мореплаватели измѣрили одну изъ встрѣтившихся имъ сидячихъ горъ и оказалось, что она выходила изъ воды на 7 саженъ, а въ водѣ сидѣла на глубинѣ 60-ти саженъ.

Съ потрясающимъ шумомъ и трескомъ носятся такіе исполины по вѣтру, сталкиваются и, разбиваясь, пѣнятъ и бурлятъ воду иногда на 5-ти верстномъ разстояніи.

Въ ноябрѣ льды почти сплошь покры-

ваютъ океанъ. Покажется полая вода, точно окно среди льдинъ, и снова все задвинется на нѣкоторое время. Страшныя бури не унимаются во всю зиму. Нѣсколько недѣль стоитъ ночь безъ разсвѣта, — только мѣсяцъ, звѣзды, да яркое сѣверное сіяніе освѣщаютъ эту страшную безлюдную картину. О плаваніи въ это время, конечно, и думать нечего. Но наступаетъ апрѣль. Прибрежные припаи и ледяныя горы отчасти уходятъ вдаль, отчасти таютъ подъ вліяніемъ теплыхъ южныхъ вѣтровъ и солнечныхъ лучей. Бѣломорское горло (проливъ, соединяющій Ледовитый океанъ съ Бѣлымъ моремъ) переполняется льдомъ, съ неудержимой силой рвущимся изъ Бѣлаго моря въ Ледовитый океанъ. Горе тому раннему судну, которое натолкнется на эти плывущія громады — отъ него не останется ни одной щепки. Въ маѣ, а иногда даже и іюнѣ, еще двигаются громадныя льдины. Во время бурь, когда море точно борется съ ними, положеніе мореплавателей становится ужаснымъ: и корабли, и китоловныя суда не разъ были уносимы такимъ плавучимъ льдомъ далеко въ открытое море.

Встрѣчаясь съ ледяными горами, моряки

никогда не подходятъ къ нимъ ближе какъ на версту, да и то съ подвѣтряной стороны, изъ боязни удариться объ эти страшилища. Если-же не удастся замѣтить во время—тогда бѣда: не избѣжать гибели. Впрочемъ отдѣльныя ледяныя горы рѣдко бываютъ опасны, онѣ могутъ быть даже полезны мореходу, такъ какъ движутся очень медленно и подъ ихъ защитой китолову не страшны мелкія плавучія льдины, быстро носящіяся во время бури.

Къ концу лѣта ледъ становится очень хрупокъ, ударомъ топора можно расколоть громадную льдину. Разсказываютъ, что какъ-то въ это время года два матроса хотѣли укрѣпить якорь въ ледяной горѣ, но едва только раздался первый ударъ—громада треснула сверху до низу и распалась на 2 половины. Одинъ изъ матросовъ сохранилъ присутствіе духа и быстро взобрался на верхнюю сторону падавшей ледяной горы, но товарищъ его скатился внизъ и, вѣроятно, былъ-бы раздавленъ или утонулъ, еслибъ вода не выбросила его на близкое разстояніе отъ ожидавшей матросовъ лодки.

Но не только льды и бури одолѣваютъ мореходовъ въ Ледовитомъ океанѣ: есть у нихъ еще и другой врагъ, не менѣе опасный.

Едва очистится большая дорога изъ Бѣломорья въ океанъ—начнутся туманы, да такіе густые, что на своей рукѣ пальцевъ не перечтешь. Идутъ суда въ двухъ шагахъ одно отъ другаго, слышны голоса, разберешь о чемъ говорятъ, а никого и ничего не видно. Каждую минуту того и гляди, что опрокинутъ, разобьютъ, или свое судно врѣжется въ чужое и натворитъ бѣды. Звонятъ, правда, въ туманное время въ корабельные колокола, бьютъ въ чугунныя доски на поморскихъ ладьяхъ, даютъ свистки на пароходахъ; но хотя сигналы эти и слышны, да трудно бываетъ опредѣлить, съ какой стороны они идутъ, не знаешь куда посторониться и приходится поневолѣ плыть наудачу. Особенно опасно мѣсто при входѣ въ Бѣлое море, около Святаго Носа. Святой Носъ для мореходовъ — мѣсто суевѣрнаго ужаса. Ни одинъ поморъ не проходитъ мимо него, не творя молитвы св. Варлааму (мѣстному покровителю), не призывая на помощь преподобныхъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ. И дѣйствительно, нигдѣ нѣтъ столькихъ крушеній, нигдѣ суда и даже пароходы не подвергаются столькимъ опасностямъ, какъ здѣсь. Даже въ самую благо-

пріятную погоду судно тутъ едва можетъ выбиться изъ толчеи: оно дрожитъ, качается во всѣ стороны. не слушаетъ ни руля, ни веселъ. Крутыя волны то и дѣло заплескиваютъ бортъ и нерѣдко выбиваютъ весла изъ рукъ гребцовъ.

Пропсходитъ это отъ того, что два противоположныя теченія—приливъ, идущій изъ океана къ Архангельску, и возвращающійся оттуда отливъ встрѣчаются здѣсь и образуютъ такъ называемую толчею, водоворотъ. Вода клокочетъ точно въ котлѣ; громадныя волны бьютъ въ высокій, скалистый берегъ съ такой силой, что брызги взлетаютъ на него; скала дрожитъ какъ листъ отъ ихъ напора, а ревъ и плескъ отъ вздымающейся и падающей воды сильнѣе пушечной пальбы. «Словно свѣтъ Божій преставляется и грядетъ антихристъ со своимъ сонмищемъ». такъ говорятъ объ этой пучинѣ напуганные поморы... Да люто и само Бѣлое море! Страшныя бури свирѣпствуютъ на немъ подчасъ цѣлыми недѣлями. Отъ одной изъ такихъ бурь, между прочимъ, чуть не погибъ царь нашъ Петръ Великій.

Во время своего пребыванія въ Архангельскѣ въ 1694 году Петръ захотѣлъ по-

сѣтить Соловецкій монастырь. Долго стояла тихая погода и никакъ нельзя было выѣхать въ море, что очень досадовало царя. Наконецъ 2-го іюня подулъ сильный вѣтеръ. Петръ велѣлъ поднять паруса и вышелъ въ море, которое шумѣло грозно и сердито, предвѣщая бурю. Къ вечеру, въ 120 верстахъ отъ Архангельска, поднялся страшный вѣтеръ. Паруса были убраны, но судно подъ напоромъ вѣтра стонало и, казалось, вотъ-вотъ распадется и погрузится въ морскую пучину. Опытные мореходы, управлявшіе яхтой, не скрывали, что всѣ ихъ усилія напрасны и крушеніе неизбѣжно. Боятре, офицеры, солдаты, цѣпенѣя отъ ужаса, въ слезныхъ молитвахъ призывали Бога и святыхъ угодниковъ на помощь. Архіерей, сопровождавшій Петра, громко молился о спасеніи утопающихъ. Священное пѣснопѣніе смѣшивалось съ воплями отчаянія. Одинъ только лоцманъ изъ Соловецкаго монастыря. Антипъ Тимоѳеевъ, случайно находившійся на царской яхтѣ, безстрашно смотрѣлъ на разъяренное море. Въ минуту всеобщаго смятенія онъ подошелъ къ государю и сообщилъ, что еще можно избѣжать кораблекрушенія, если войти въ Унскую губу. Петръ отдалъ ему

руль и приказалъ править къ Уйской губѣ. Подъ рукою опытнаго, давно посѣдѣвшаго въ борьбѣ съ бурями кормчаго царская яхта благополучно прошла между двумя рядами подводныхъ камней и около полудня стала на якорь вблизи Пертаминскаго монастыря. Вышедши на берегъ, Петръ со всѣми спутниками отправился прямо во храмъ, гдѣ и принесъ благодареніе Всевышнему за спасеніе.

Говорятъ, что, поручивъ управленіе рулемъ Антипу, царь вмѣшался въ его распоряженія.

«Коли ты отдалъ команду мнѣ, такъ поди прочь! Здѣсь мое мѣсто, а не твое, и я знаю, что дѣлаю»! сердито закричалъ на него кормчій.

Царь смиренно удалился.

Но пріѣздѣ онъ, смѣясь, напомнилъ Антипу:

«Помнишь, братъ, какъ ты отдѣлалъ меня»?

Трепещущій кормчій упалъ на колѣни, но царь поднялъ его, обнялъ и сказалъ:

«Ты былъ правъ, а я виноватъ и въ самомъ дѣлѣ вмѣшивался не въ свое дѣло».

Онъ подарилъ Антипу свое мокрое платье и навсегда освободилъ его отъ монастырскихъ работъ.

Въ воспоминаніе избавленія, Петръ своими руками сдѣлалъ деревянный крестъ въ $1^1/_2$ сажени вышиною съ надписью:

«Сей крестъ сдѣлалъ шкиперъ Петръ въ лѣто Христово 1694».

Самъ на своихъ плечахъ отнесъ его царь къ тому мѣсту, гдѣ вышелъ на берегъ, и водрузилъ въ землю на память потомству.

Морскіе промыслы.

Какъ ни сурово и опасно Бѣлое море, а еще того больше Ледовитый океанъ.—служатъ они великую службу мѣстному населенію, которое и любитъ, и благословляетъ ихъ. Въ сѣверномъ краѣ Архангельской губерніи почти совсѣмъ не сѣютъ хлѣба. Поздняя весна. ранніе осенніе морозы, холодные вѣтры, туманы и дожди не даютъ зерну ходу. Какъ уродится самъ-другъ, либо самъ-третій. такъ и благодари Господа, а часто бываетъ, что и зерна не вернуть. Обсѣмеияютъ поля больше ячменемъ, такъ какъ по краткости лѣта одинъ только ячмень и успѣваетъ созрѣть. Совсѣмъ-бы пришлось обницать тѣмъ, кто засѣлъ на такихъ безплодныхъ мѣстахъ,

если-бы не студеное Бѣлое море, да не Сѣверный Ледовитый океанъ. Кормитъ и богатитъ Архангельца море-океанъ: много въ немъ всякой рыбы, всякаго «сальнаго» звѣря. Морская глубина еще лучше родной нивы даетъ урожай, никогда не оскудѣваетъ и не бѣднѣетъ. Это богатѣйшая пашня, которую никогда не надо засѣвать, а ежедневно можно пожинать. Крестьяне-поморы сами говорятъ: «У нашего народа одна забота: гляди ты на море, полюби его, да не жалѣй своей души многогрѣшной—хорошо будетъ: море вездѣ съ рыбой, вездѣ съ добычей».

Самымъ главнымъ и выгоднымъ мѣстомъ для морскихъ промысловъ считаются воды океана близъ *Мурманскаго* берега, на сѣверѣ Кольскаго полуострова. Мурманскій берегъ—совершенно пустынный и дикій. Обнаженныя гранитныя горы, раскинувшіяся верстъ на 300, какъ стѣной обнимаютъ здѣсь океанъ, который часто вдается заливами въ берегъ. У болѣе закрытыхъ отъ вѣтровъ заливовъ настроены *становища* поморскихъ крестьянъ—такъ называются избушки, кое-какъ сколоченныя изъ дряблаго лѣса, съ боковъ и сверху обсыпанныя пескомъ. Въ каждомъ становищѣ считается такихъ избушекъ пять,

шесть, а всѣхъ становъ по берегу будетъ до 20-ти. Съ половины августа до апрѣля въ нихъ никто не живетъ. Изрѣдка только, раза 2—3 во всю осень и зиму, навѣщаютъ ихъ Лопари ближайшихъ погостовъ, чтобы посмотрѣть, все-ли цѣло изъ сѣтей, веревокъ, кулей муки и соли, оставленныхъ поморскими промышленниками подъ ихъ надзоръ. Осмотритъ все Лопарь, покопошится въ избенкахъ, перехватитъ на отощалый желудокъ что прихватитъ съ собою изъ дому—да и опять обратно.

Рыбный промыселъ на Мурманскомъ берегу съ незапамятныхъ временъ былъ главнымъ занятіемъ жителей западной части Архангельской губерніи. Возможность богатаго улова, способнаго вознаградить всѣ труды и лишенія, привлекаетъ сюда все прибрежное населеніе уѣздовъ Кемскаго, Онежскаго и отчасти Мезенскаго.

Въ концѣ февраля, когда суровая Архангельская зима начинаетъ слабѣть и перестаютъ играть въ сѣверномъ краю неба сполохи (сѣверное сіяніе), поморскіе крестьяне, начиная отъ городка Онеги и оканчивая послѣдними деревнями дальней Кандалашской губы, уже подумываютъ, что недалеко

и до Евдокіи *), что скоро настанетъ часъ и въ дальній путь снаряжаться. Въ каждомъ селѣ непремѣнно найдется нѣсколько богачей, которые начинаютъ «*обряжать покрутъ*», т.-е. нанимать работниковъ для ловли рыбы на дальнемъ Мурманскомъ берегу. Наймутся работники, соберутъ свою скудную одежу, напекутъ на дорогу хлѣба и придутъ по старому обычаю «*заручиться* хозяиномъ», т. е. пообѣдать у него на прощанье. А на другой день послѣ пира—въ дальній путь дорогу. Начинается прощанье съ родными и сосѣдями. Бабы воютъ на всю деревню и причитаютъ, словно на смерть провожаютъ. Знаютъ онѣ, какой опасности подвергаются промышленники въ снѣговой пустынѣ да и въ морѣ-океанѣ.

Помолятся промышленники на свою приходскую церковь, пожелаютъ «счастливо оставаться» и двинутся, сопровождаемые цѣлой толпой, затянувъ длинную и печальную пѣсню:

Ужь и гдѣ, братцы, будемъ день дневать,
Ночь коротать?
Будемъ день дневать въ чистомъ полѣ,
Ночь коротать во сыромъ бору.

*) 1-ое марта.

Намъ постелюшка—мать сыра земля.
Изголовьице—зло кореньице,
Одѣялышко—вѣтры буйные,
Покрывалышко—снѣги бѣлые,
Обмываньице—частый дождичекъ,
Утираньице—шелкова трава.
. . . . . .
. . . . . .

Проводивъ своихъ кормильцевъ, вернутся бабы домой, поохаютъ еще немного, поволюютъ и артелью, и въ одиночку, да и снова всѣ за работу. Вѣдь теперь вездѣ надо одной: и лошадь запречь, и за дровами въ лѣсъ съѣздить. и дерево свалить, и сѣна накосить.

Терпѣливо переносятъ промышленники свое тяжелое странствованіе по безлюднымъ снѣговымъ пустынямъ. А круто приходится имъ, особенно тѣмъ, кто по бѣдности долженъ тащиться пѣшкомъ со всѣмъ своимъ скарбомъ. Холодные вѣтры, глубокіе сиѣга, длинные переходы, скудная пища—страшно изнуряютъ путешественниковъ, и многіе изъ нихъ нерѣдко заболѣваютъ во время пути. Еще хорошо, если тихая погода; а какъ завяжется мятель или. какъ ее называютъ мѣстные жители, *хивуса*,—тогда горе путни-

камъ: снѣгъ носится цѣлыми тучами. ежеминутно грозя засыпать всѣхъ высокимъ снѣжнымъ курганомъ. Единственное спасеніе тогда, если нѣтъ высокаго подвѣтрянаго бугра, — обернуть сани, лечь подъ нихъ и переждать, пока вѣтеръ перестанетъ нагребать сугробы.

Обыкновенно-же мѣстомъ привала служитъ промысловая избушка, часто почти сгнившая, кругомъ со щелями. Но и въ такомъ жалкомъ убѣжищѣ можетъ помѣститься только нѣсколько человѣкъ; большей же части приходится оставаться на снѣгу, подъ открытымъ небомъ.

Въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля «покручники» достигаютъ наконецъ города *Кольи*, который служитъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ промышленниковъ, идущихъ на Мурманъ, а отсюда уже расходятся по становищамъ. Прибывъ на мѣсто, промышленники прежде всего принимаются за очистку своихъ хижинъ и амбаровъ, въ которыхъ убраны были осенью снасти и съѣстные припасы. Въ это время на Мурманѣ лежитъ еще нерѣдко глубокій снѣгъ, и ледъ не отошелъ отъ береговъ. Недѣли двѣ, а иной разъ и болѣе, нельзя бываетъ приступить къ лову;

тогда поневолѣ приходится сидѣть сложа руки въ тѣсныхъ, сырыхъ и душныхъ избахъ. Отъ бездѣйствія и недостатка свѣжей пищи у многихъ развивается *цынга*. Обнаруживается эта болѣзнь прежде всего расположеніемъ ко сну. Спитъ человѣкъ день и ночь, сутки за сутками, а между тѣмъ начинаютъ у него понемногу опухать руки и ноги, десны размягчаются и покрываются язвами, точащими кровь; потомъ слѣдуетъ кровотеченіе горломъ и кишечнымъ каналомъ, и наконецъ больной умираетъ отъ упадка силъ, удушенія и потери крови. На Мурманскомъ берегу промышленники зорко слѣдятъ другъ за другомъ и если замѣтятъ, что кто-нибудь начинаетъ не во время засыпать, подвязываютъ ему подъ руки шестъ и, несмотря на стоны и мольбы, тащатъ больнаго въ гору, потомъ снова внизъ, и такъ нѣсколько разъ. Хотя этотъ способъ леченія и очень грубъ, но тѣмъ не менѣе при его помощи нерѣдко удается остановить дальнѣйшее развитіе болѣзни, такъ какъ движеніе есть наилучшее средство противъ цынги. Заболѣвающіе это отлично знаютъ, однако стремленіе къ покою и сну такъ сильно овладѣваетъ ими, что

изъ боязни подобнаго леченія они прячутся отъ своихъ товарищей.

Но вотъ сошелъ на Мурманѣ снѣгъ, зазеленѣлъ мохъ, ледъ унесло къ сѣверу, прилетѣли чайки, гагары, появилась рыбка «мойва», а за ней и ожидаемые промышленниками *треска* и *палтусъ*. На всемъ берегу начинается оживленная работа. Лодки то и дѣло шныряютъ взадъ и впередъ по океану. Ловлю производятъ обыкновенно *ярусомъ*. Такъ называется очень длинная бичева, унизанная шнурками съ рыболовными крючками. Ярусъ бросаютъ отъ берега верстъ на 5—10, по самому дну. Для этого составляется артель въ 4 человѣка (кормщикъ, тягельщикъ и весельщики), отправляющаяся на особомъ суднѣ, называемомъ *шнякой*. Черезъ каждые 6 часовъ эти-же четверо «трясутъ тряску», т. е. осматриваютъ и обираютъ ярусъ.

Неизбѣжное при такомъ способѣ ловли продолжительное пребываніе въ открытомъ океанѣ, нерѣдко подъ дождемъ и во время бури, подвергаетъ здоровье и даже жизнь промышленниковъ серьезной опасности. Но за то говорятъ, что ловля ярусомъ самая выгодная, такъ какъ при одномъ ярусѣ занято

только 4 человѣка, а при удачномъ уловѣ можно заразъ добыть до 150-ти пудовъ и болѣе. Иногда, впрочемъ, бываетъ, что въ началѣ весны или среди лѣта вдругъ перестаетъ рыба вовсе идти на яруса: либо вѣтры отнесутъ ее къ другимъ берегамъ, либо отгонятъ киты да акулы... И сидятъ тогда покручники на берегу, плетутъ отъ бездѣлья сѣти, да въ карты отъ скуки играютъ.

Къ августу мѣсяцу Мурманскіе промышленники успѣваютъ наловить и насолить рыбы достаточно для того, чтобы часть оставить для будущей весны, а остальною частью нагрузить *раншину* (плоскодонное судно съ 2-мя мачтами) и везти треску домой, или ѣхать въ Архангельскъ на ярмарку.

Въ это время море бурлитъ уже по-осеннему, въ воздухѣ свѣжесть; запасы соленой и вяленой трески и палтусины уже сложены въ кучи. Народъ частью гуляетъ, прощаясь съ берегомъ, на которомъ столько мѣсяцевъ трудился, не жалѣя силъ и здоровья; частью молится на могилахъ потерянныхъ здѣсь товарищей, кладетъ земные поклоны въ ветхой часовнѣ, Богъ знаетъ кѣмъ сооруженной на этомъ пустынномъ мѣстѣ.

Пустынное Бѣлое море замѣтно оживаетъ:

рѣдкій день не пробѣжитъ по нему 5. 6 судовъ; и все это направляется къ Архангельску. Въ началѣ сентября вся Двина передъ пристанью заставлена судами. Цѣлыя артели поденьщицъ на плотахъ набережной обмываютъ треску отъ грязи, напластавшейся въ грязныхъ Мурманскихъ амбарахъ. Народъ снуетъ взадъ и впередъ цѣлыми толпами. Отъ поминутной ѣзды и говора цѣлый день стоитъ неумолкаемый гулъ. Рады Архангельцы, что дождались дешеваго, вкуснаго и сытнаго блюда. На расхватъ закупаютъ треску и бѣднякъ, и богачъ. Повезутъ ее и по другимъ городамъ, накормитъ она и тамъ тысячи людей, и вездѣ помянутъ добрымъ словомъ потрудившихся промышленниковъ.

Стрѣльна.

Какъ ни трудентъ и ни опасенъ Мурманскій промыселъ, а есть у поморовъ еще и другой, болѣе страшный.

Въ глухую зимнюю пору, когда берега Бѣлаго моря покрываются глубокими снѣгами и становятся совершенно пустынными, самые предпріимчивые и незнающіе устали

русскіе промышленники (преимущественно изъ приморскихъ деревень Мезенскаго уѣзда) идутъ сюда на такъ называемую «стрѣльну» — стрѣлецкій промыселъ за «нерьпой», «морскими зайцами» и «тевяками». Всѣ эти три породы звѣрей — тюленьяго рода. Изъ нихъ чаще всего попадается въ Бѣломъ морѣ нерьпа. Уже съ первыми крутыми осенними вѣтрами звѣри эти оставляютъ океанъ и начинаютъ показываться у береговъ Бѣлаго моря. Ихъ влечетъ туда исканіе пищи, а также гонитъ океанскій шумъ и трескъ. На бѣломорской рыбѣ они скоро успѣваютъ откормиться и разжирѣть до того, что даютъ до 10-ти пудовъ сала. Звѣри эти плаваютъ не стадами, а въ одиночку, поэтому и охота на нихъ не артельная—каждый идетъ самъ по себѣ.

Мезенцы, съ давнихъ поръ живущіе на берегахъ Бѣлаго моря, отлично знаютъ, что когда у береговъ Канинскаго и Таманскаго появится въ значительномъ количествѣ мелкая рыбка «сойка», то непремѣнно слѣдомъ за ней придетъ въ Бѣлое море и барышная *нерьпа*. Вскинетъ Мезенецъ на спину котомку со съѣстными припасами, возьметъ въ руки ружье да дубинку, лыжи къ ногамъ

подвяжетъ, осѣнитъ себя крестнымъ знаменіемъ и побѣжитъ искать счастья и удачи вдали, верстъ за 300 отъ роднаго крова. Дней черезъ десять мы уже видимъ его въ морѣ, подстерегающаго добычу. Недѣли 3—4 проводитъ онъ вдали отъ твердой земли,—на льдинахъ и огонь разводитъ, и кашицу варитъ, и спать ложится.

Нерьпа часто выползаетъ на льдину понѣжиться и отдохнуть. Для этого, какъ разсказываютъ охотники, она своимъ дыханіемъ продуваетъ во льдинѣ отверстіе. Вылѣзая на поверхность, она непремѣнно ложится рядомъ съ этой прорубью, чтобы въ случаѣ опасности нырнуть въ воду. «Нерьпа звѣрь лукавый, — говорятъ промышленники, — съ ней по христіански-то и не сладишь. Не чутка она на носъ, за то беретъ глазомъ. Заприметитъ человѣка версты за двѣ и сейчасъ въ воду, а тамъ и лови ее. Приходится, значитъ, хитростью брать. Лежитъ нерьпа на льдинѣ,—сейчасъ надѣваетъ промышленникъ на голову бѣлую шапку, за спину ружье береть, а противъ себя доску держитъ. Напередъ онъ эту доску обольетъ водой и заморозитъ и набьетъ по ней деревянныхъ гвоздиковъ, чтобы снѣгъ держался, и поползетъ

на колѣняхъ по льду. Нерьпа видитъ доску, да льдиной ее почитаетъ. Начинаетъ тогда промышленникъ стучать, кричать изо всѣхъ силъ, а самъ изъ-за доски поглядываетъ. Нерьпа мечется, по сторонамъ бросается. то въ прорубь сунется, опять выскочитъ, ухо къ проруби прикладываетъ, прислушивается, думаетъ—не тамъ-ли что-нибудь шумитъ: потомъ опять замечется; а охотникъ все кричитъ да ружье налаживаетъ. И какъ подползетъ на такое разстояніе, что стрѣлять можно, прямо зарядъ въ голову и пуститъ. Тутъ ей и конецъ». Всѣ Мезенцы отличные стрѣлки и промаха не даютъ.

Но не всегда благополучно оканчивается охота. Перехитритъ промышленникъ звѣря, перехитритъ много разъ, да смотри—и надъ самимъ бѣда стрясется. Займется онъ нерьпой и забудетъ, гдѣ находится. А тутъ вѣтеръ оторвалъ льдину отъ приная (льда, примерзшаго накрѣпко къ берегу) и понесъ «въ голомя», т. е. въ открытое море. Съ горяча-то этого и не примѣтитъ промышленникъ, а очнется—только руками всплеснетъ. Прочитаетъ несчастный молитву, помянетъ родителей, коли есть, сродниковъ, знакомыхъ, да такъ и плыветъ, куда вѣтеръ несетъ.

Одна надежда—на островъ Моржовецъ, что лежитъ въ 28-ми верстахъ отъ берега, при выходѣ изъ Бѣлаго моря въ открытый океанъ,—куда часто прибиваетъ льдины. И если спасется человѣкъ, то ужь непремѣнно дастъ обѣтъ поработать годъ, либо два, на Соловецкихъ угодниковъ. Часто лѣтомъ можно видѣть такихъ злополучниковъ въ послушническомъ платьѣ, исправляющихъ даромъ самыя тяжелыя монастырскія работы. А бываетъ, что и въ океанъ уноситъ—тогда погибъ человѣкъ. Тамъ или буря ударитъ льдиной о льдину, разобьетъ ее въ дребезги и потопитъ промышленика; или недѣли двѣ носитъ вѣтеръ по Ледовитому океану, въ безразсвѣтной тьмѣ, при 40 градусахъ мороза,—такъ и замретъ человѣкъ отъ голода и холода! А сколько страданій перенесетъ онъ за это время! Да, не даромъ говоритъ пословица: «Кто на морѣ (въ бѣдѣ) не бывалъ, тотъ (хорошо) Богу не маливался».

Узнаютъ и въ деревнѣ нерадостную вѣсть; соберутся міромъ на улицѣ, перекрестятся, скажутъ: «Пошли ему, Господи, царство небесное!», покачаютъ головами, потолкуютъ о бездольѣ погибшаго парня, о тяжеломъ житьѣ у моря и на морскихъ промыслахъ... да тутъ-

же и спросятъ другъ друга: «а что, братцы, кто изъ васъ понѣ на стрѣльну-то снаряжается?» и, смотришь, — опять найдется нѣсколько удальцовъ, собирающихся въ путь. Таковъ ужь по натурѣ нашъ безстрашный поморъ! «Все равно», думаетъ онъ про себя: «двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать; и гдѣ тебѣ смерть показана, тамъ ты ея и конемъ не объѣдешь. А и то сказать: Господь не безъ милости. Можетъ, все обойдется благополучно—не всѣмъ же такая незадача!»

Новоземельные промыслы.

Въ Ледовитомъ океанѣ, недалеко отъ русскихъ береговъ, лежитъ дикій и пустынный островъ «*Новая Земля*». Вѣчно тревожныя, не знающія покоя волны буйно плещутъ въ его берега, окруженные множествомъ торчащихъ изъ глубины океана утесовъ. Грусть нападаетъ на всякаго при взглядѣ на этотъ обнаженный, безжизненный островъ, гдѣ нѣтъ ни деревца, ни кустарника. Коротенькое лѣто мелькнетъ и опять уступаетъ мѣсто зимѣ съ ея холодными и снѣжными бурями.

Убогая растительность нерѣдко подвергается гибели даже и лѣтомъ: выпадетъ снѣгъ и погубитъ все. Множество могилъ, видѣющихся по всему берегу, указываетъ на непривѣтливость этой страны. Неоднократныя попытки образовать тамъ постоянныя селенія оказались неудачными. Въ 1857 году, напримѣръ, была отряжена туда партія въ 28 человѣкъ; изъ нихъ обратно вернулось только шестеро—всѣ остальные опухли и умерли отъ цынги. Выселились было также на постоянное жительство 80 человѣкъ Самоѣдовъ, но и отъ нихъ ни одного не осталось.

Не взирая на такое негостепріимство края, богатства, скрытыя въ волнахъ, его окружающихъ, привлекаютъ сюда на лѣто многихъ жителей Печорскаго и Мезенскаго края, гдѣ скудная почва и суровый климатъ не даютъ возможности заниматься земледѣліемъ. Зимовать, однако, на островѣ не остаются, хотя зимніе промыслы могли бы принести большія выгоды. Случается иногда, что опоздится какъ-нибудь иная артель промышленниковъ—осенніе льды запрутъ обратный путь; тогда уже волей-неволей приходится оставаться на зиму, строить себѣ жилье изъ снѣга и воевать съ бѣлыми медвѣдями, кото-

рыхъ тамъ въ это время показывается несмѣтное множество. Бѣлые медвѣди (по туземному «ошкуи») плаваютъ на прибрежныхъ льдинахъ, гоняются за нерьпами, моржами, или хватаютъ рыбу. Выходятъ они и на берегъ отдохнуть-полежать. Промышленники разсказываютъ, что они нерѣдко подходятъ къ самому жилью, и не проходитъ вообще дня, чтобы не показался медвѣдь гдѣ нибудь взблизи жилья.

Самый интересный изъ Новоземельныхъ звѣрей, за которымъ главнымъ образомъ и пріѣзжаютъ промышленники, это—*моржъ*. Моржъ — тотъ-же тюлень, только огромныхъ размѣровъ. Длиною онъ бываетъ болѣе 2-хъ саженъ. Голова у него небольшая, челюсти усажены большими и крѣпкими зубами,—по сторонамъ верхней челюсти выходятъ клыки. У большаго моржа пара клыковъ вѣситъ около пуда. Моржи очень лѣнивы. Вскарабкавшись на льдину цѣлымъ семействомъ, они всю осень не оставляютъ ея. Маленькіе моржи, или, какъ ихъ называютъ, «абрашки» тутъ-же рѣзвятся со своими старшими братьями «абрамками». Матери учатъ ихъ иногда плавать, бросая въ воду. Въ веселомъ расположеніи духа они за-

водятъ пѣсни—мычатъ, какъ стадо быковъ, и этотъ ревъ гулко отдается въ прибрежныхъ утесахъ.

Промышленники начинаютъ бить моржей въ то время, когда они заберутся на льды, т. е. въ началѣ августа. Чутье у моржа превосходное: если охотники крадутся къ нему по вѣтру, моржъ издали чуетъ ихъ приближеніе и, несмотря на свою лѣнь, тотчасъ-же спѣшитъ укрыться отъ опасности. Поэтому у промышленниковъ правило—подкрадываться къ моржу противъ вѣтра и, кромѣ того, такъ тихо и осторожно, чтобы ни малѣйшій шумъ не тревожилъ спокойствія животнаго. Когда вся ватага охотниковъ подойдетъ близко къ моржамъ, то нападаетъ на нихъ мгновенно, съ крикомъ, свистомъ, гамомъ. Оглушенные, испуганные внезапностью, моржи теряютъ присутствіе духа. Промышленникамъ того только и надо; они бьютъ моржей дубинами, колютъ ихъ острыми пиками, или стрѣляютъ въ нихъ изъ ружей большаго калибра, называемыхъ «моржовками». Всѣ эти оружія направляются въ голову моржей или переднія части, такъ какъ это самыя чувствительныя мѣста. Пуля, попавши въ туловище, не сдѣластъ никакого

вреда моржу, потому что засядетъ или въ кожѣ, или въ слоѣ жира.

Кромѣ ловли звѣрей, поморскіе промышленники занимаются на Новой Землѣ еще и собираніемъ гагачьяго пуха. Птица *гага*— изъ породы дикихъ утокъ, водится въ самыхъ сѣверныхъ странахъ и въ особенности на островахъ Ледовитаго океана. Гаги собираются стаями въ ущельяхъ самыхъ неприступныхъ скалъ, омываемыхъ моремъ. Онѣ садятся на такихъ крутизнахъ, куда человѣку, казалось бы, невозможно даже и забраться. Тамъ онѣ вьютъ гнѣзда, устилая ихъ мягкимъ и нѣжнымъ пухомъ, который выщипываютъ у себя на груди. Пухъ этотъ очень тепелъ и цѣнится въ продажѣ очень дорого. Законъ строго запрещаетъ убивать этихъ птицъ, чтобы не истребить полезную породу.

Гагачій промыселъ сопряженъ для охотниковъ съ большими трудностями и опасностями. Чтобы добыть изъ гнѣзда дорогой пухъ, смѣльчаки-охотники взбираются на неприступныя скалы и крутизны, привязываютъ себя веревкой за выступъ скалы и осторожно спускаются по голой скалѣ. Вися надъ пропастью, выбираютъ охотники изъ

гнѣзда гагачій пухъ и кладутъ въ корзину, которая прикрѣпляется къ поясу. Бываютъ, разумѣется, и несчастные случаи: оступится какъ-нибудь охотникъ, или веревка оборвется, тогда ужь прощай жизнь—на смерть разобьется бѣднякъ объ острыя скалы!

Поморы.

Безпрестанныя тревоги при столкновеніи съ врагами, въ прежнее время, требовавшія постоянной готовности къ защитѣ, опасные промыслы, борьба съ бурнымъ моремъ—все это закалило прибрежныхъ жителей, поморовъ; они стали рѣшительными, отважными. Удаль ихъ вошла въ славу.

Живутъ поморы большею частью въ домахъ двухъ-этажныхъ. Наверху помѣщается семейство, а внизу кухня и кладовая. Но не вездѣ двухъ-этажный домъ служитъ признакомъ богатства. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Пустозерскѣ, такое устройство является просто необходимостью: страшные вѣтры, разгуливающіе тамъ по безлѣсной равнинѣ, наносятъ иной разъ такія глыбы снѣга, что онъ поднимается почти до самой

кровли, и будь дома низенькіе—нельзя было бы совсѣмъ изъ нихъ выходить. Ничѣмъ не сдерживаемые порывы вѣтра, особенно со стороны моря и тундры, бываютъ здѣсь такъ сильны, что часто срываютъ крыши съ домовъ и расшатываютъ самые дома. Зимніе морозы свирѣпствуютъ тамъ съ такой силой, что иной разъ нельзя носа показать на улицу. Воздухъ такъ рѣдокъ, что дыханіе спираетъ, кожа вздувается, того гляди—брызнетъ кровь.

Несмотря однако на такой суровый климатъ, Архангельскіе поморы съ нимъ совершенно освоились: они очень крѣпки, здоровы. Крестьянинъ въ 60 и даже въ 70 лѣтъ еще ѣздитъ на морскіе промыслы, а вѣдь тамъ надо не мало силы и ловкости. Вообще, случаи долговѣчности у нихъ не рѣдкость.

Всѣ поморы отличаются необыкновенною гостепріимностью. «Не красна изба углами—красна пирогами», говоритъ русская пословица, и эта пословица вполнѣ примѣнима къ поморскимъ семьямъ. Въ какое-бы время ни зашелъ гость, тотчасъ-же появляется на столѣ самоваръ (если семья болѣе или менѣе зажиточна), угощаютъ также всѣмъ, что

только есть въ домѣ: «что есть въ печи – все на столъ мечи».

А если случится проѣзжій или странникъ, то смѣло можетъ стучаться въ дверь: поморъ никогда ему не откажетъ—напоитъ, накормитъ, проводитъ изъ дому съ просьбой «жаловать напредки» и никогда не возьметъ денегъ. Такой ужь у нихъ изстари заведенъ обычай.

Особенно развертывается гостепріимство поморовъ на праздникахъ, и преимущественно во время масляницы. У нихъ даже и поговорка сложилась: «послѣднее платьишко заложить, а масляницу проводить». И веселоже, разгульно проводятъ они этотъ праздникъ! Три дня съ утра до вечера длится гулянка. Пировать пріѣзжаютъ даже изъ дальнихъ деревень и мужики, и бабы, и дѣвки.

Хозяева, у которыхъ предполагается пиршество, еще за недѣлю до праздниковъ начинаютъ приготовляться къ нему: моютъ полы, стѣны, хлопочутъ какъ-бы лучше угостить своихъ гостей, т. е. накормить ихъ до-сыта и напоить до-пьяна... Въ день торжества составляютъ нѣсколько столовъ и покрываютъ ихъ скатертью. На столъ ставятъ

булки, пироги, разрѣзанный ломтями ржаной и житный хлѣбъ, и все это, пока не подадутъ кушанья, покрыто утиральниками вмѣсто салфетокъ. За столомъ сидятъ чинно, по крайней мѣрѣ въ началѣ. Большой уголъ, т. е. почетное мѣсто принадлежитъ священнику, возлѣ него усаживается причтъ. и затѣмъ по правую руку хозяинъ; далѣе садятся по старшинству родства и дружбы.

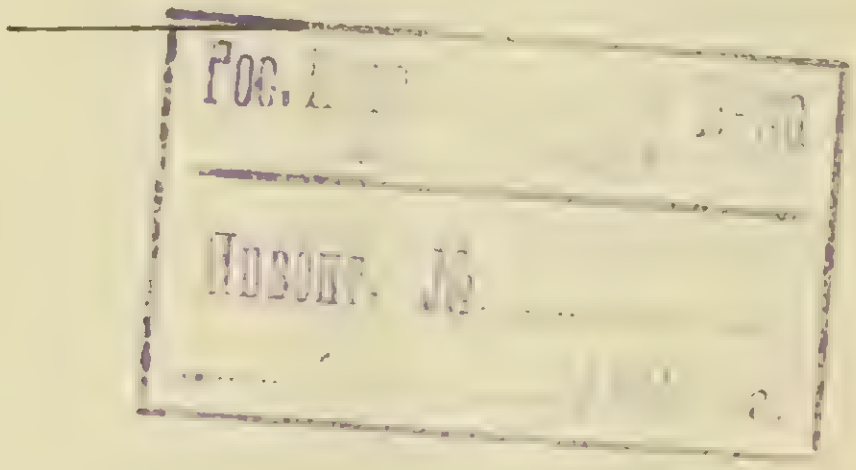
Хозяйка обряжается и подаетъ ѣду.

Кто пришелъ во время обѣда, говоритъ «хлѣбъ да соль», и его приглашаютъ за столъ со словами: «милости просимъ съ нами откушать».

Столъ ведется необыкновенно долго и во все это время поминутно идетъ выпивка—вино и пиво составляютъ одно изъ главныхъ угощеній. «Безъ пива и праздникъ не въ праздникъ», говорятъ поморы. Вставъ изъ-за стола, всѣ молятся Богу, благодарятъ хозяевъ за хлѣбъ—за соль и тотчасъ же цѣлой толпой отправляются къ ледянымъ горамъ. Съ этой забавой поморы такъ освоились, что непремѣнно въ каждой деревнѣ есть ледяная гора. Катаются съ горъ въ салазкахъ, на шкурахъ, на рогожахъ. Тутъ-же недалеко качаются на качеляхъ, водятъ хоро-

воды, поютъ пѣсни, играютъ въ разныя игры.

Къ вечеру, кто постарше—возвращаются домой, закусываютъ еще разъ и затѣмъ отправляются во-свояси. А молодежь еще долго не унимается: тоютъ отъ пляски, веселыя пѣсни, побрякиванія бубенцовъ носящихся троекъ—слышатся далеко за полночь; и такъ продолжается нѣсколько дней подъ-рядъ.. Но наступаетъ чистый понедѣльникъ: вездѣ тихо, на улицахъ ни живой души, еще вчерашняго шумнаго пиршества—какъ будто и не бывало.



Арханг. край.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Изъ исторіи края	3
Лѣсная полоса	12
Луговая полоса	20
Тундра	22
Лопари	33
Корелы	41
Самоѣды	46
Ледовитый океанъ	58
Морскіе промыслы	66
Стрѣльна	75
Новоземельные промыслы	80
Поморы	84

При произнесеніи этого чтенія въ аудиторіяхъ Коммисіи показываются слѣдующія сѣтовыя картины:

1. Видъ г. Колы.
2. Соловецкій монастырь.
3. Іоаннъ Васильевичъ Грозный
4. Видъ г. Холмогоръ.
5. » г. Архангельска.
6. Петръ Великій.
7. Петръ Великій на Архангельской пристани.
8. Екатерина Великая.
9. Хвойный лѣсъ.
10. Лѣсной пожаръ.
11. Охота на медвѣдя.
12. Звѣроловы на лыжахъ.
13. Охота на оленей.
14. Видъ Сѣв. Двины.
15. Холмогорскій скотъ.
16. Деревня Усть Уса.
17. Тундра.
18. Сѣверное сіяніе.
19. Горностай.
20. Куница.
21. Песецъ.
22. Полярная лисица.
23. Волкъ.
24. Сѣверный олень.
25. Лопари.
26. Лопарская вѣжа.
27. Ѣзда на оленяхъ.
28. Корелы.
29. Самоѣды.
30. Зыряне.
31. Самоѣдскій чумъ.
32. Перекочевье самоѣда.
33. Самоѣдка съ ребенкомъ.
34. Ледовитый океанъ, съ плавающими льдами.
35. Святой носъ.
36. Неустрашимость Петра.
37. Крестъ, сдѣланный Петромъ Великимъ.
38. Видъ Мурманскаго берега.
39. Поморское становище.
40. Промысловая изба.
41. Шняка.
42. Раньшина.
43. Нерпа.

44. Охота на Нерпу.
45. Китоловы уносимые на льдинѣ.
46. идъ Новой земли.
47. Кресты на Новой землѣ.
48. Бѣлый медвѣдь.
49. Моржъ.
50. Гага.
51. Сборъ гагачьяго пуха.
52. Поморы.
53. Жилище помора.

Картины эти могутъ быть пріобрѣтены у поставщиковъ Ком

въ «С. Петербургской Мастерской учебныхъ пособій и и

(*С.-Петербургъ Троицкій пер. № 11—3*).

Тамъ-же имѣются *волшебные фонари*
1) съ керосиновымъ освѣщеніемъ въ 25 р. 40 р. 55 р. 12
2) съ друммондовымъ освѣщеніемъ въ 65 р. 180 р. и доро
3) Всѣ принадлежности для устройства читалень.
Каталоги высылаются за почт. марки на 21 коп.

КАРТА АРХАНГЕЛЬСКАГО КРАЯ.

17) Св. Благовѣрный Великій князь Александръ Невскій. Съ изображеніемъ. Ц. 10 к.

18) О святыхъ Московскихъ митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ и о Мамаевомъ побоищѣ. Ап. Н. Майкова. Ц. 6 коп.

19) Куликовская битва. С. Рождественскаго. Ц. 8 к.

20) Иванъ III. (Приготовляется къ изданію).

Изъ-за чего пошли войны Россіи съ мусульманствомъ. Книжка первая. Ап. Н. Майкова. Ц. 7 к.

22) Изъ-за чего пошли войны Россіи съ мусульманствомъ. Книжка вторая. Его-же. Ц. 5 к.

23) Изъ-за чего пошли войны Россіи съ мусульманствомъ. Книжка 3-я. Его же. Ц. 7 к.

24) О смутномъ времени на Руси. Два чтенія И. И. Петрова. Съ 3 карт. Ц. 20 к.

25) Царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Съ портретомъ. Ц. 10 к.

26) Царствованіе Алексѣя Михайловича. Ц. 10 к.

27) О Петрѣ Великомъ. С. Рождественскаго. 3-е изданіе. Съ 3 картинками. Ц. 15 к.

28) Какъ и чему училъ Петръ Великій народъ свой. Съ 4 раскрашен. карт. С. М. Макаровой. Ц. 12 к.

9) Петръ Великій по сочиненіямъ А. С. Пушкина. А. Филонова. Ц. 5 к.

0) О преемникахъ Петра Великаго (до Екатерины II). Чтеніе И. И. Петрова. Съ 2 портрет. Ц. 12 к.

1) Екатерина Великая (приготовляется къ изданію).

2) Суворовъ. С. Рождественскаго. Съ портретомъ Суворова. Изд. 3-е. Ц. 10 к.

3) Александръ I Благословенный. Съ 2 карт. Ц. 8 к.

) Народная война 1812 г. 3 чтенія Состав. Яхонтовъ. Съ 5 картинками. Цѣна 25 коп.

35) Разсказы о севастопольцахъ. А Супонева. Съ картинкою. Изд. 3-е. Цѣна 15 к.

36) 19 февраля 1855—1880 г. Доброписцева. Ц. 5 к.

37) Чтеніе о послѣдней войнѣ съ Турками (приготовляется къ изданію).

38) Просвѣтитель Восточной Сибири. Съ портретомъ преосв. Иннокентія МитрополитаМосковскаго Ц. 15 к.

39) Русская правда, или судъ въ стародавнія времена. Историческая повѣсть. В. Лапина. съ карт. Изд. 2-е. Ц. 7 к.

40) Историческая повѣсть изъ временъ татарскаго погрома. В. Лапина. Ц. 10 к.

41) Тарасъ Бульба. Историческая повѣсть. Н. В. Гоголя. Ц. 5 к.

42) Купецъ Иголкинъ и его подвигъ. Съ 1 карт. Ц. 8 к.

43) Полтава. Повѣсть въ стихахъ А. С. Пушкина. С. Макаровой. Съ 8 раскр. картин. Ц. 15 к.

44) Сказки и пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ, крестьянскомъ сынѣ, съ 7-ю рисунками въ текстѣ. Ц. 5 к.

45) Чай, откуда онъ идетъ къ намъ и чѣмъ полезенъ. Е. Рейнбота. Съ 2 раскр. картинками. Ц. 8 к.

46) Какъ изъ сѣмечка выростаетъ растеніе, какъ оно питается, какъ живетъ и чѣмъ полезно человѣку. Кн. В. М. Съ таблицею рисунковъ. Ц. 25 к.

47) Бесѣды о здоровьѣ и о болѣзняхъ. Доктора Перфильева. Ц. 35 к.

48) Бесѣда о флотѣ. Д. Шишмарева. Съ 5 рис. и краткимъ словаремъ морскихъ выраженій. Ц. 25 к.

49) Двѣнадцать мудрыхъ басенъ. Съ портр. Крылова. Изд. 2-е. Ц. 5 к.

50) Сборникъ стиховъ. Выпускъ I-й. Изданіе второе. Ц. 6 к.

51) Сборникъ стиховъ. Выпускъ II-й. Изд. второе. Ц. 6 коп.

52) **Сборникъ стиховъ. Выпускъ III-й.** Ц. 8 коп.

53) **М. В. Ломоносовъ.** А. Филонова. Съ портретомъ. Изд. 3-е. Ц. 5 к.

54) **Кольцовъ и его пѣсни.** М. Парунова. Съ изображ. памятника Кольцову въ Воронежѣ. Изд. 3 е. Ц. 10 к.

55) **Архангельскіе китоловы.** Повѣсть Сѣтковой (Катенкампъ). Съ 2 раскр. карт. Ц. 20 к.

56) **Роковой кладъ.** Сѣтковой (Катенкампъ). Съ картинкою. Ц. 15 к.

57) **Братья.** Сѣтковой (Катенкампъ). Съ 4 картинками въ текстѣ. Ц. 5 к.

58) **Лучшая месть.** Сѣтковой (Катенкампъ) съ 3-мя карт. въ текстѣ. Ц. 5. к.

59) **Мореходъ Никитинъ** (пересказъ повѣсти Марлинскаго) и двѣ морскія пѣсни, съ 3-мя рис. въ текстѣ. Ц. 5 к.

60) **Архангельскій край.** Съ картою. Ц. 20 к.

61) **Сказка о Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ.** В. А. Жуковскаго. Ц. 10 к.

62) **Мининъ и Пожарскій.** Съ рисун. Ц. 1 коп.

Гг. иногородные съ требованіями обращаются по почтѣ: къ Предсѣдателю Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній въ С.-Петербургъ, уг. М. Итальянской и Лиговки, д. Петрова, № 38.

Гг. книгопродавцы пользуются уступкою при покупкѣ книгъ на деньги 30%.

Склады изданій Коммисіи находятся въ С.-Петербургѣ: при Канцеляріи Коммисіи, уг. М. Итальянской и Лиговки, д. Петрова и въ книжныхъ магазинахъ П. В. Луковникова, Фени и К° и складъ В. А. Березовскаго (Колокольная, № 14). Въ Москвѣ: въ магазинахъ: Общества распространенія полезныхъ книгъ въ Петровскихъ линіяхъ, «Сотрудникъ школъ» Зимѣсской, у Арбатскихъ воротъ и Салаевыхъ на Мясницкой.